

18+

Светлана Рябова-Шатунова

В глубинах Незримого...

Мистические рассказы

Светлана Рябова-Шатунова

В глубинах Незримого...

«Издательские решения»

Рябова-Шатунова С.

В глубинах Незримого... / С. Рябова-Шатунова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530886-3

В книгу вошли публиковавшиеся ранее мистико-эзотерические рассказы, которые не оставят вас равнодушными. Герои заставят вас сопереживать, научат любить и делиться знаниями. Увлекут вас в миры незримой реальности и дадут душе глоток живительной энергии.

ISBN 978-5-00-530886-3

© Рябова-Шатунова С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
По ту сторону жизни	8
1 глава	8
2 глава	11
3 глава	14
4 глава	19
5 глава	23
6 глава	25
7 глава	30
8 глава	33
9 глава	37
10 глава	40
11 глава	43
12 глава	46
13 глава	49
14 глава	52
15 глава	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

В глубинах Незримого...

Светлана Рябова-Шатунова

© Светлана Рябова-Шатунова, 2021

ISBN 978-5-0053-0886-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Здравствуй, дорогой мой читатель!

От всей души благодарю тебя за то, что ты сейчас держишь в руках эту книгу. Хочу, ознакомить тебя с тем, что в ней находится. И очень надеюсь, что чтение будет интересным и не утомительным. Итак:

Мини-роман « По ту сторону жизни»

Анна умирает во время родов, но её душа не уходит, а остаётся здесь на земле, чтобы помочь своему мужу и защитить родившегося сына. Коварные планы Лоры, которая имеет виды на её мужа и планы её собственной матери, которая ради денег готова пожертвовать самым дорогим – внуком, не срабатывают. Во время своего пребывания здесь, Анна знакомится с такой же, как она, бабой Нюрой. Старушка не только поддерживает её и учит тонкостям невидимого мира, но и помогает в сложных для Анны ситуациях. В дальнейшем Анна знакомится с ясновидящей Лизой, которая пожертвовав своей жизнью, спасает маленького Данилу. Теряя на протяжении этого времени самых дорогих для нее людей, Анна в тоже время приобретает настоящих друзей и ту, которой она доверит своего сына и мужа.

Мини-роман «Связь времён»

После жестокого изнасилования, Ольга теряет всякую надежду иметь ребёнка. Девочка, которая приходит к ней во снах сводит её с ума. Поддержка мужа приводит её в скит к монахам-отшельникам. Помолившись чудотворной иконе, она обретает веру в чудо и это чудо происходит. Легенда, связанная с иконой подаренной скиту князем Алексеем Ветровым, таинственным образом переплетается с судьбой Ольги. Она попадает в прошлое на 145 лет назад к тому самому князю Ветрову, встреча с которым дарит ей в будущем счастье материнства.

Повесть «Одержимая»

Молодой женщине, писательнице, снится страшный сон, в котором ею овладевает Демон. Думая, что это всего лишь сон, она явно ошибается – он становится невыносимой частью её реальности. Через соблазн и шантаж Демона стать его любимой, она находит в себе силы и разум, чтобы отказаться от этого и тем самым приходит к вере в Бога.

Повесть «Дарёнка»

События происходят в годы Великой Отечественной войны, в глухой Сибирской деревне. Клавдия, как и другие бабы в деревне, оставшись без мужа, который пропал без вести, тянет на себе все тяготы тыла, имея на руках четырех маленьких детей. В один из дней, она находит в лесу необычную маленькую девочку, которая в дальнейшем помогает чудесным образом выжить семье.

Рассказ «Дар»

Сельская девушка, пройдя сквозь портал, получает дар целителя. Простая школьница-выпускница за несколько дней становится для своих сельчан панацей от всех бед.

Повесть «Волчица»

Поездка Лены к матери в деревню, переворачивает всю её жизнь. В самой Лене стали проявляться способности, переданные её бабушкой. Если бы не волчица, которая сопровождала её, как Ангел-Хранитель в самые тяжелые для неё моменты, то ей просто было бы не выжить.

Рассказ «Тюлька»

Чудесным образом одному из братьев в деревне достаётся два дома, один из которых он предлагает брату Сергею. Переезд становится радостным событием, но омрачает одно – ночами Сергею снятся необычные сны, связанные с этим домом. Это его пугает. Он начинает своё расследование.

Рассказ «Жертва»

Он безумно любил свою жену. И когда она смертельно заболела, то решил обратиться к деревенской колдунье. То, что предложила бабка-ведьма повергло его в шок.

Рассказ «На охоте»

Пошёл Степан на охоту, а вышел к охотникам нашего времени и встретил там ни кого-нибудь, а сына и внука. Но об этом они узнали потом.

Рассказ «Три желания»

Тихий осенний вечер. Три молодые женщины – Катя, Лена и Вероника, тихо брели, каждый своим путём. Но всех их, судьба привела к одной и той же, загадочной двери.

Рассказ «Я, всё слышу...»

Мне стало по-настоящему тяжело. Мой светящийся шар души потускнел, и я уж было собрался оторваться и лететь обратно туда... «домой», но вдруг мне стало жалко маму, ведь я знал, что она хотела моего появления на свет...

Кто-то попадает в прошлое, чтобы обрести счастье материнства. Кто-то в будущее, чтобы встретить в нём сына и внука. А кто-то через молитву шлёт в помощь семье «дарёнку»... Разные судьбы, разные встречи, но объединяет всех мистика, в которую попадают герои произведений. Они учат нас сопереживать, любить... Делятся знаниями и частичкой своей души.

Приятного чтения, дорогой мой читатель! С уважением к тебе, Светлана.

По ту сторону жизни

1 глава

Ветер легко трепал штору через открытую форточку. Луна так сильно освещала комнату, что можно было разглядеть всё то, что находилось в самом дальнем углу спальни.

Ребёнок в животе Анны, сделал пару сильных толчков, и затих. Анна открыла глаза. Кто-то приятным, тихим, словно шелест листвы, голосом звал её. Где-то она уже слышала его, но где? И пока она вспоминала, какая-то тень, быстро скользнула по стене в сторону окна, а голос сменился тихим детским плачем.

– Витя, проснись, ты слышишь? – она трепала мужа за плечо, а взгляд был прикован к детской кроватке, которую совсем недавно она купила вопреки всем суевериям.

– Витя! Витя! – продолжая будить мужа, взволнованно говорила Анна, глядя в дальний угол спальни. Но Виктор, крепко спал. А её непреодолимо тянуло туда. Вокруг уже не существовало ни спящего мужа, ни тени, ни её положения, ни времени, вообще ничего, кроме детского плача, доносившегося из детской кроватки.

Анна откинула одеяло, встала и медленно пошла на голос малыша. Чем ближе она подходила, тем тише становился плач. Вот уже показалось спящее детское личико, и маленькие пухлые губки сладко причмокивали, имитируя сквозь сон, сосание груди.

– Родной мой! – прошептала нежно Анна. – Кровиночка моя!

Склонившись над кроваткой, она смотрела на малыша каких-то несколько секунд, но ей показалось, что прошла целая вечность. И в этой вечности она хорошо знала его и любила всем сердцем.

– Пора-а-а-а... – снова зашелестел тот же голос. На этот раз очень грустно и протяжно. – Пора-а-а-а...

У Анны закружилась голова, резко навалилась тяжесть, перемешанная с болью во всём теле. Опершись одной рукой о кроватку, а другой о бедро, она стала искать взглядом голос. Когда же Анна посмотрела снова в кроватку, то малыша там уже не было. Вся боль жаром прошла от сердца до головы.

– Ох, – выдохнула она, прикрывая глаза.

Обхватив свой большой живот, Анна на полусогнутых ногах попыталась дойти до спящего мужа. Её трясло.

– Витя, проснись! Пора! – словно замороженная, повторяла за голосом Анна.

Сонный, ничего не понимающий Виктор, бормоча, привстал на локоть. Глаза то и дело слипались, и поэтому приходилось, сильно жмурясь, снова и снова открывать их, пока он не увидел стоящую перед ним согнувшуюся Анну. Он резко вскочил, и сон мгновенно улетучился, как его и не было.

– Аннушка, ты чего? Что случилось? – помогая жене сесть, спросил Виктор.

– Витя, у меня, кажется схватки, – лицо Анны исказила боль.

– Так вроде бы еще рано? – надевая на ходу футболку, всё ещё недоумённо спрашивал Виктор.

– Помоги, одеться мне, и поехали, – подтягиваясь к тумбочке за документами, проговорила Анна.

– Хорошо! Ладно! Хорошо! – запинаясь, говорил Виктор, нервно скидывая возле Анны в кучу её одежду.

Дождь хлестал в лобовое стекло. Словно предчувствуя нехорошее, оно плакало. Неуёмные слезы толстыми струями стекали в бока и затем летели в тёмное пространство ночи. Дворники своими тоненькими ручками то и дело смахивали их, а рёв мотора помогал их большему появлению.

Виктор, поглядывая на жену, вел машину молча. Его крепко сжатые губы не позволяли проронить ни единого слова. «Ну, почему я тогда не выехал на пять минут раньше? – думал он. – Сейчас бы Аннушку никакие боли в голове не мучили. Бедная моя девочка!» Мысли подхватили его и окунули в тот день, когда он впервые встретил Анну.

Раннее утро. Он торопился отвезти и передать все документы, заключающие договора о поставках его торгово-строительной фирмы. Уже третий раз надрывно звонил телефон, чтобы поторопить его. Из-за ограниченного времени, представитель другой фирмы не мог долго ждать. Поезд на Н-ск уходил в одиннадцать утра. Но почему-то именно в этот день Виктор был настолько рассеян, что у него всё валилось из рук, и он хронически ничего не успевал.

– Да, да... Сейчас выезжаю, Юрий Иванович! Простите за неудобства. Я хотел бы лично встретиться с вами. У меня возникло много вопросов. Дождитесь! – ловя на лету рукав куртки, он говорил человеку на том конце провода. – Всё, еду!

Поглядывая на часы, Виктор уверенно вёл машину по широкому шоссе, от посёлка Лебяжьего в котором он жил до ближайшего провинциального города, в котором находилась его фирма. Еще полчаса и он на месте. Всё сходилась.

Проехав большую часть пути, он ещё издали заметил, как по обочине идут две девушки. Оборачиваясь на шум мотора, они тянули руки, ловя попутку, и весело о чём-то переговаривались. Время поджимало. У Виктора не было никакого желания останавливать машину и брать попутчиков. Пока он размышлял над этим, его обогнала «Тойота» и притормозила около девчат.

«Ну, и хорошо!» – подумал он, проезжая мимо.

Только вот взгляд одной из девушек впечатался в его память. Почему-то именно ему захотелось подвезти её, и он уже жалел, что «Тойота» опередила.

Она опять пошла на обгон. Виктор взглянул на номер – «В 666 АД»

– Что за хрень? Какой странный номер! Дьявольский, – удивился он.

Тем временем, машина скрылась за поворотом. Музыка, звучащая в салоне его авто, каким-то сверхъестественным образом связывала всё это действие завуалированной мистикой.

Глубоко выдохнув, он стал собираться с мыслями. Надо было обдумать предстоящую встречу. Поворот, пятнадцать минут и на месте. Но то, что ждало его за поворотом, он теперь не забудет никогда! «Тойота», обняв носом ствол дерева, уже никуда не торопилась. Как в замедленном фильме, Виктор смотрел на происходящее там. Девушка, чей взгляд задержался в его памяти, не шевелясь, сидела на переднем сиденье, возле водителя, который наполовину вылетел из лобового окна и неестественно лежал с вытянутыми по швам руками на капоте. Её голова, неподвижно лежала, прислонившись к боковому стеклу. Из-под волос, тоненькие струйки крови прокладывали себе путь через всё лицо девушки.

«Почему она, а не эта?» – глядя на вторую девушку, лихорадочно думал Виктор, тут же стыдясь своих мыслей.

Эта девушка с ужасными воплями выбиралась из автомобиля. Сидевший рядом с ней на заднем сидении мужчина, не подавал никаких признаков жизни.

Виктор притормозил.

На трассе кроме них не было никого. Он вызывал скорую и полицию. Посмотрев на часы, а затем на кейс с документами, вылез из машины и побежал в сторону потерпевших аварию.

– Успею! – говорил он сам себе.

Та девушка, что пыталась вылезти, беспорядочно выкрикивала:

– С водителем плохо... приступ... Анька, дура, не умирай... Гад, больной... Анька, слышишь?.. Вставай, давай, вылазь...

Так она орала, пока не доковыляла, опираясь на искорёженную машину, к двери, где сидела её подруга. Дверь заклинило. Она, ревя и стуча беспомощно кулаками по стеклу, пыталась привести в чувства Анну.

– Сейчас приедет «скорая помощь», – пытаюсь успокоить, говорил ей Виктор, отодвигая её от машины. Сам же тем временем нырнул в открытую дверь салона, проверяя, жив ли кто ещё. Оба мужчины были мертвы, девушка подавала признаки жизни, но очень слабые.

– Вашу подругу надо срочно везти в больницу, – осторожно вытаскивая, говорил девушке Виктор. – Срочно! Вы подождите здесь скорую и полицию, а я сейчас...

Бережно положив Анну к себе на заднее сиденье, он быстро сел за руль и помчался в город.

– Что за день такой, – ругаясь, ворчал Виктор. – Ну же, бери трубку, – нервно говорил он, держа возле уха телефон. – Стас! Слушай меня внимательно. Я не могу приехать на сделку, поэтому быстро гони на край города к областной больнице. Там заберешь у меня все документы. Подпишите договора, и передашь сам лично всё в руки представителю «Строй-лита». Не спрашивай у меня пока ничего, всё потом. Давай гони! Через 10 минут я буду там.

Сейчас он тоже вёз Анну в больницу, но уже для того, что бы она дала жизнь ещё одному человеку на земле. Его лихорадило от мысли, что он вот-вот станет отцом.

«Дождь... Нудный дождь... – думал он. – Небеса плачут, почему? Да. Почему? Тревожно как-то».

– Потерпи родная! – ласково обратился к жене Виктор, слыша её нарастающие стоны.

За поворотом показался роддом. Виктор подъехал к входной двери, которая оказалась, закрыта и стал, что есть силы кулаками тарабанить в дверь.

– Аня, всё, приехали! Сейчас, родная, помогу.

Щёлкнул затвор замка, и из-за дверей показалась голова старой санитарки.

– Ну, чего долбишься? Звонок не видишь? Ночь на дворе. Закрыты мы. Мало ли кто завалится сюда, – ворчала она, принимая из рук Виктора очередную роженицу.

2 глава

В голове нарастал шум, уши закладывало, глаза давило изнутри. Анна от боли вжала в себя голову и, морщась, зажмурила глаза.

– Тужимся, тужимся!.. Давай!.. Давай, милая, помогай ... – отдавала команды врач.

Одна из акушерок, стояла рядом с Анной и гладила ей руку, приговаривая:

– Молодец! Поднатужься, ещё!.. Ещё!.. Помогни своему малышу...

Анна набрала побольше воздуха в лёгкие, багровея, и потея от натуги, вдруг поплыла. Она всё дальше и дальше слышала голоса, которые сливались в одно целое и плач. Детский плач! Ей легко, хорошо. Она не чувствует никаких болей. Тело парит.

Очнувшись, как ото сна, Аня заметила вокруг себя нервную суету. Сестра, взяв на руки ребёнка, быстро вынесла его из родовой, даже не запеленав как следует. Кроме врача и акушерок зачем-то появились ещё медики реаниматоры. Выполняя свою работу, они о чём-то тревожно переговаривались друг с другом, употребляя медицинские термины, из которых Анна поняла, что рядом кто-то умирал

Мгновение... и с этого же стола, на котором она сейчас только что лежала, сняли и положили на каталку какую-то женщину, откачивая её на бегу, и вывозя из родовой.

Всё стихло.

Анна осталась лежать в помещении одна, ничего не понимая. Оборвало тишину шарканье ног пожилой женщины, которая вошла в родовую, держа в одной руке ведро с водой, а в другой швабру. Оставив всё около входной двери, и переваливаясь с боку на бок, она стала ходить вдоль и поперёк, качая головой и причитая, прикрывая рот руками.

– Охо-хо-хо!.. Девочка совсем. Бедненькая. Господи, спаси и сохрани! Охо-хо-хо!.. Надо же, в смену Ларисы Дмитриевны. Ой, как жалко-то их. Охо-хо-хо-хо...

Анна поняла, что пришла санитарка. Ей ничего не оставалось, как у неё расспросить о том, что случилось здесь и куда это все ушли.

– Извините! Что случилось с той женщиной? Почему унесли моего ребёнка? Где все? – следя взглядом за санитаркой, спросила Анна.

Та, не обращая никакого внимания, дошла до ведра и, прополоскав хорошо тряпку, принялась за уборку.

– Извините! – ещё раз повторила Анна. – Вы меня слышите?

«Может быть она глухая, и не слышит меня?» – подумала Анна и успокоилась.

Ей ничего не оставалось, как лежать и наблюдать, как та, кряхтя, вытирает влажной, а затем сухой тряпкой всё, что попадало ей под руки. Теперь она направилась в сторону Анны, и не обращая никакого внимания, принялась убирать из-под неё ванночки с кровью и последом. Анна быстро убрала ногу, как только та занесла над ней тряпку, чтобы вымыть подставки. Недоумевая, она смотрела на старую санитарку, решив, что та вдобавок ко всему ещё и слепа.

– Клавдия Васильевна, роженицу привезли, – заглянув в кабинет, сообщила ей медсестра.

– Да-да. Заканчиваю. Иду, милая, – ответила старушка.

Анна быстро уворачиваясь от её тряпки, разозлилась, и начала слезать с родильного стола.

– Я вам не мешаю, Клавдия Васильевна? – ехидно спросила она санитарку. – Вы же хорошо слышите и видите. Неужели нельзя ответить мне? Когда меня переведут в палату? Что тут, в конце концов, происходит? – возмущалась Анна, идя к входной двери. – Оставили меня здесь одну, и никому до меня нет дела.

В это время в проёме двери показалась та же медсестра, что минутой ранее заглядывала в кабинет – она несла чистые инструменты. Анна, не успев открыть рот для вопроса, увидела,

как та прошла сквозь неё и уже шла за её спиной. Все слова повисли в воздухе. В недоумении, она резко повернулась к ней лицом и по-прежнему ничего не понимая, вышла в коридор.

Там в стороне кучкой стояли роженицы. Выглядывая, по очереди в конец коридора, они вели невеселую беседу. Анна, подошла ближе и встала возле окна, дожидаясь кого-нибудь из медперсонала.

– Сказали, что умерла, – заговорила темноволосая, лет тридцати женщина.

– А ребенок? – подхватила крашенная молоденькая девушка.

– Ребенок жив. Вроде, мальчик. Там в вестибюле муж нервничает, ждет, – продолжала темноволосая. – Видела его, такой симпатичный мужчина.

– Ой, девочки, – вступила в разговор третья коротко стриженная. – Я когда сына рожала, такая же история была. Только у той муж за ребенком не приехал. Такая суматоха была. Ребенок, видите ли, с другим цветом волос родился.

– Во, урод! – возмутилась молодая. – Может, он в бабку какую уродился.

– Да, девочки, все они мужики одинаковые, – сказала темноволосая с большой грустью в голосе.

– Нет, Валь, у меня не такой, – говорила ей коротко стриженная. – Я когда своему рассказала эту историю, так он мне, мол, давай его себе возьмем. Вот брать только некуда, сами в двух комнатах ютимся, еле помещаемся. Да ещё свекровь приезжает, живет иногда подолгу, когда свекор пьяный гоняет. В общем, ужас! Мечтаем с мужем дом купить.

– Смотрите, Лариса Дмитриевна в вестибюль пошла. Наверное, к нему. Айда глянем одним глазком, – предложила молодая.

Анна пошла за ними. Ей необходимо было увидеть и поговорить с врачом, узнать, что с ребёнком.

Лариса Дмитриевна, замедлив шаг, подошла к Виктору и, запинаясь, проговорила:

– Мне сказали, что вы муж Бойковой Анны Леонидовны?

– Да. Я её муж. Как она? Родила? – в радостном ожидании спросил Виктор.

– Да. У вас родился прекрасный мальчик. Здоровый. Поздравляю вас! – грустно улыбаясь, говорила она. – Я не знаю, как вам сказать, – потирая лоб и растягивая слова, продолжала Лариса Дмитриевна. – Во время родов вашей жене стало плохо. Она потеряла сознание. Не довеза до реанимационного блока, у неё остановилось сердце. Всё, что могли, делали, но тщетно. Простите, – на последних словах, глубоко вдохнув в себя воздух и выдохнув, она опустила голову.

– Что? – Виктор, впился в неё глазами. – Как? Почему?

– Простите! – ещё раз повторила доктор. – Хотите посмотреть на сына? Я провожу вас.

– Да, конечно, – мотая головой, всё ещё не веря в происходящее, ответил Виктор.

Взяв у дежурной сестры белый халат и бахилы, Лариса Дмитриевна протянула их Виктору.

Женщин в коридоре остановила нянечка, которая развозила детей на кормление роженицам.

– Всё, мамочки, по палатам. Готовьтесь, сейчас привезу ваших деточек. Давайте, давайте, – подгоняя, и поворачивая их обратно, приятным ласковым голосом говорила детская медсестра.

– Пошли, девочки, – разочарованно вздохнула молодая, и все быстрым шагом стали расходиться по своим палатам.

Анна растерялась, быстро увернувшись от одной из них, которая, не замечая, шла прямо на неё.

Послышался детский плач. Нянечка, открыв дверь детского отделения, выкатила коляску с тремя младенцами. Ничего не говоря Анне, она повезла детей в сторону палат. Анна стояла и смотрела ей вслед. Её сердце переполнилось теплом и любовью к этим маленьким существам.

Услышав приближающие шаги, она обернулась. По коридору шли Виктор и Лариса Дмитриевна. Улыбаясь мужу и светясь от счастья, она двинулась им навстречу, совсем не замечая, в каком состоянии, пребывал сейчас Виктор. Он не шёл, он вёл себя. На его лице была надета неподвижная маска, а глаза смотрели вперед, ничего не видя.

– Сейчас мы зайдем ко мне в кабинет, и я попрошу детскую сестру привезти малыша, – говорила ему Лариса Дмитриевна.

Они поравнялись с Анной. Шаг, второй... и они оказались за спиной женщины, пройдя сквозь неё. Она в испуге остановилась, уставившись в пол, ничего не понимая.

– Витя! – резко повернувшись, закричала она мужу, видя как тот удаляется вглубь коридора. Ей стало жутко.

– Витя! – ещё раз выкрикнула она.

Виктор, не слыша Анну, уже заходил в кабинет.

Детский врач, молодая, красивая женщина, открыв дверь кабинета, ввезла такую же коляску на трех младенцев, но на этот раз там лежал один ребенок.

– Вот ваш мальчик, – показывая Виктору рукой и предлагая подойти ближе, сказала Лариса Дмитриевна.

– Здравствуйте! – поздоровалась врач. – У вас родился мальчик. Вес – 3кг 600г, рост – 54 см, без патологий, – она стояла, перечисляя всё то, что, по ее мнению, должен знать родитель.

Аня, зайдя вместе с ней в кабинет, не отрываясь, смотрела на малыша. Перед ней лежал младенец, которого она видела в ночь перед родами. Ей стало душно.

– Вашего ребенка мы выпишем через пять дней, если не будет никаких осложнений, – сказала напоследок детский врач. – И не беспокойтесь, мы позаботимся о нем, а вы улаживайте свои дела и приезжайте, – увозя обратно ребенка, приостановившись, говорила она.

– Примите искреннее соболезнование, – прощаясь, говорила Лариса Дмитриевна. – Я вас провожу. Пойдёмте.

– Да. Пойду к Аннушке, – находясь в прострации, ответил Виктор.

3 глава

Опомнившись, что стоит в кабинете совсем одна, Анна быстро вышла в оставленную открытой дверь. В коридоре, она увидела, как Виктор и Лариса Дмитриевна уже заворачивали в холл. Пытаясь догнать их, Анна вдруг остановилась, как вкопанная. Голос, который она слышала ночью, спокойно и растянуто произнес:

– Подожди-и-и-и!..

Этим словом, окутало всё пространство – оно было всюду. Анна глазами стала искать того, кто говорит, но тщетно. И тут в коридоре резко наступила оглушительная тишина, разделив мир на две реальности – одна из которой находилась за прозрачной стеной тишины, другая здесь, где находилась Анна. С конца коридора стал нарастать яркий свет – он не слепил, а завораживая, притягивал. Из него вышел человек.

Не веря своим глазам, Анна, чуть дыша, спросила:

– Папа, это ты? Как же это?

– Девочка, моя. Здравствуй! – он подошёл и обнял её. – Здравствуй моя хорошая, здравствуй!

– Папа, как же так? – уткнувшись в его грудь, спрашивала Анна. – Значит, ты всё время жил рядом и никогда не пытался навестить меня и Пашку? Как же так, папа? – она, вопрошая, посмотрела ему в глаза. – Мы так ждали тебя, скучали. Я понимаю, мама не подарок, но мы?

– Тише, тише, моя хорошая, я всё расскажу. Потерпи. Мне разрешили встретиться с тобой и времени у нас не так уж много.

– Пап, не пугай меня. Что значит разрешили?

– Послушай дочка, я не бросал вас, – он подошёл к окну и, устремив куда-то далеко свой взгляд, продолжил. – Слишком частые скандалы с твоей мамой стали невыносимы для нас всех. Я не выдержал и ушёл.

– Да, папа, помню. Мы с Пашкой тогда сидели под столом и всё слышали. Вечные мамины истерики и требования, действительно нельзя было терпеть. Я понимаю тебя, но...

– Я уехал к брату на Урал, – не дав договорить дочери, отец продолжил свой рассказ. – Устроился на работу и ушёл в неё весь с головой, лишь бы заглушить боль, что стояла у меня в груди. Я написал тебе с Павлом, чтобы простили меня. Видеться с вами не мог. Посылал каждый месяц деньги, считай, все. Зарботки у меня были немалые, и я думаю, вам с мамой хватало жить безбедно, даже если она не работала.

– Папа! О чем ты говоришь? Какие деньги? Какое письмо? Мы жили так бедно, что Пашке пришлось уйти со школы и устроиться на работу. Куда только он только ни напрашивался – мёл дворы, мыл подъезды, машины и ещё Бог знает что. Мама вечно пропадала где-то, объясняя тем, что ищет работу. Потом вроде как устроилась санитаркой в больницу, и мы её стали видеть ещё реже. То я в школе, то она на смене, а Пашка на работе. После этого ты говоришь, что высылал нам деньги? Как ты можешь? Спасибо брату, а то бы с голоду сдохли. Он настоял, чтобы я училась дальше и получила профессию. В училище училась, а жила на его содержании. Вот скажи, кто из нас врёт?

– Я сказал тебе правду. Дай я обниму тебя, я так мечтал об этом. Плохо, что при жизни не суждено этому быть, – он подошёл к Анне, взяв за плечи, прислонил к себе. – Прости, моя девочка.

– Почему ты появился только сейчас? Узнал, что я родила сына? – сделав паузу, она продолжила. – С мамой мы почти не общаемся, Паша стал выпивать часто, никак не может жениться. Ты обязательно должен встретиться с ним, поговорить. Я думаю, он будет очень рад тебе.

– Пока не могу, – с сожалением ответил отец.

– Что значит, не могу, – перебила его Анна. – Что значит, не могу?

– погоди. Мне с тобой уже пора заканчивать разговор. А с Пашей мы обязательно увидимся, но лучше бы не так скоро. Я объясню тебе, вернее, даже не знаю, как объяснить, чтоб не напугать тебя, моя дорогая девочка. Я очень просил эту встречу, очень! А теперь слушай, время уже не ждет. Понимаешь, там, на Урале, я работал до такого изнеможения, что стало сдавать сердце. В один из дней, на смене, я попал под холодный ливень. Меня так промочило, словно я был из губки. Машина, как назло, не заводилась, и мне все время приходилось под ливневым дождем чинить её снаружи. Я так устал, сильно озяб, меня колотило. И чтобы не потерять сознание, я присел на приступок двери. Тут и произошёл удар. С начало нестерпимая боль в груди, потом я увидел себя упавшего вниз лицом прямо в грязь. Дождь эхом отстукивал по мне дробь, как по барабану. Тот я был уже мертв. А этого меня тянуло куда-то идти. Когда я шёл, увидел идущих мне на встречу двух мужчин, эдаких высоких исполинов. Они подошли ко мне, и сообщили, что пришли за мной. А дальше всё вокруг меня вдруг исчезло, а эти двое меня всё вели и вели, пока я не оказался возле большого экрана, в котором я видел всю от начала до конца свою жизнь. Я плакал, хотел что-то исправить, но не мог, и от бессилия плакал еще сильнее. Так я смотрел, думал, размышлял и мучился до тех пор, пока не потерял сознание. Очнулся в другой безликой одежде, на скамье. Ко мне подошла моя мама, твоя бабушка, взяла за руку и повела. Вот только тогда я успокоился. Там, где была она, было спокойно. Одно терзало – мне не хватало вас. Тебя и Паши.

Анна, не отрывая взгляда от отца, слушала, не веря своим ушам. После оцепенения она неровным голосом произнесла то, на что боялась получить утвердительный ответ.

– Если ты умер, и я вижу и говорю с тобой, значит, я умерла?

Он опустил голову.

– Да. Но в отличие от меня, ты будешь, находиться, здесь. Малышу будет нужна твоя помощь. Когда он окажется в надежных руках, мы с тобой обязательно встретимся и уже, надеюсь, будем вместе.

– Пора-а-а-а... – произнес все тот же голос.

– Что с ним? С малышом? – испуганно спросила Анна, готовая уже бежать защищать сына.

– Не пугайся, пока всё хорошо. Просто будь рядом. Прощай! – ласково улыбаясь, говорил отец, удаляясь вглубь коридора.

Его ждало появившееся облако света и, войдя в него, он мгновенно растворился в нём. Всё исчезло. Исчезла и тишина. Всё вокруг ожило. В коридор из своих палат входили и выходили роженицы, тихонько переговариваясь друг с другом. Ещё не осознав всей реальности своего положения, Анна сделала несколько попыток заговорить с женщинами – но тщетно.

Похороны прошли тихо и скромно.

Родители Виктора вечером должны были уже улетать. Хоть они и были пенсионного возраста, но никто не давал им их лета. Подтянутые, хорошо одетые, они всё ещё ходили на работу. Мама – Валентина Сергеевна, продолжала преподавать физику и химию в школе, а отец – Владимир Николаевич, работал в администрации города и занимал довольно высокий пост заместителя мэра города. Поддержать сына в его горе, вылетели по первому же звонку.

Надежду Васильевну – мать Анны, искали через всех знакомых и соседей. После того, как Анна вышла замуж, а Паша ушёл жить в общежитие при заводе, на котором он работал красильщиком, Надежда Васильевна была предоставлена сама себе. С детьми она практически не общалась, звонила только, когда были нужны деньги. Все её объяснения на этот счет не проверялись и, пользуясь этим, она находила все новые и новые поводы, чтобы просить деньги.

Аня жалела её, и все свои сбережения, что Виктор оставлял на личные расходы, отдавала ей. Та старалась приходить, когда не было в доме зятя, и клятвенно просила дочь не говорить ему ни слова. У Паши ей стало все труднее и труднее клянчить деньги. Последнее время он много тратил на спиртное, угощая всех, кто на данный момент был рядом. Мать боялась его выпившего и поэтому старалась не попадаться на глаза. Даже сегодня, в день похорон, она не подошла к нему, чтобы поддержать в горе. Надежда Васильевна знала, как Павел любил сестру, но не заметила, как все его тело враз состарилось от невыносимой душевной боли. Они, как два чужих человека, стояли по разные стороны похоронной процессии. Расходясь, Павел ещё долго оставался возле могилы сестры – он плакал, как маленький ребенок. Ему было жаль себя, он остался совсем один. Жаль было сестру и всё, что связывало их.

Проводив родителей, Виктор не поехал домой, как обычно он это делал, а припарковав машину возле первого, попавшегося на глаза бара, в полной прострации зашёл в него заглушить своё горе и одиночество.

Он заказал бутылку водки и салат. Столик выбрал в самом глухом углу бара, возле которого стояло в большом красивом горшке какое-то тропическое растение, напоминающее, скорее, дерево, нежели комнатный цветок. В зале стояло ещё пять столов, за которыми сидели по два-три человека. Тихо играла музыка, и поэтому было уютно.

Первую стопку Виктор выпил залпом, не дав даже некоторое время постоять на столе. Следом он налил другую, и опять выпил. Только после этого он наковырял что-то на вилку и заел. Держа в руке третью стопку, он вспомнил, как после той самой аварии, судьба снова столкнула его с Анной.

С полными сумками продуктов она шла по тротуару вдоль дороги. Видно было, что Аня устала, но это не портило красоту её лица. Она выглядела девушкой подростком, маленькая, худенькая, но в то же время привлекательная. Потёртые джинсы и футболка органично смотрелись на её хрупком теле. Белокурые волосы, аккуратно собранные на затылке в толстую косу, которая была чуть ниже плеч, служили ей украшением. А, может, всю эту красоту видел только Виктор?

Он послышался. И когда Аня, посмотрев, отвернулась от него, Виктор притормозил. Вышел из машины и пошёл прямо на неё.

– Давайте, я вам помогу. Подвезу вас. У вас такие тяжелые сумки, – протягивая руки к пакетам, сказал Виктор.

– Нет, спасибо, не надо, – категорично заявила ему Анна. – Я на автобусе, вот уже остановка. Так, что спасибо, – она продолжила свой путь.

– Да вы не бойтесь меня. Ну, остановитесь же, – пытаясь задержать её за плечи, говорил Виктор.

Анна прибавила шаг.

– Мы же с вами знакомы, – не унимался он. – Я вижу, вы уже совсем поправились после аварии?

Анна остановилась и стала подозрительно всматриваться в его лицо, пытаясь вспомнить, где они встречались.

– Извините, я тороплюсь, – отвернувшись, она пошла дальше.

Хоть Виктор ей и понравился, но это ничего не значило. Садиться к незнакомому мужчине в машину не позволяло ей чувство приличия. У многих уже давно стала нормой форма лёгкого поведения, Аня же не могла перешагнуть через свои внутренние убеждения. В ней прочно сидел консерватор, придерживающийся старых принципов.

– *Постойте же. Я даже знаю, как вас зовут. Вас зовут Аня. У вас есть подруга. Вот как раз с ней-то вы и попали в аварию на Вилковском шоссе. Это я вас отвез в больницу.*

– *Вы? – и только тут она смягчилась. – Да, мне сказали, что меня увезли на машине, но...*

– *Вы уж извините, что я не навещал вас. Закрутился, дела... Да и что я буду лезть. Медицина наша творит чудеса, и я знал, что теперь с вами будет всё хорошо. Так ведь?*

Анна заулыбалась, утвердительно кивая головой.

– *Ну, а раз я вас встретил, то не мог же проехать мимо. Судьба! Меня зовут, Виктор.*

– *А меня Аня, протягивая в ответ руку, засмеялась девушка.*

– *Давайте я вам помогу, – забирая у неё сумки, и ставя их на заднее сиденье, сказал Виктор. Затем он открыл дверцу спереди, предложив сесть Анне рядом с ним.*

– *Спасибо!*

– *Куда вам?*

– *До спортивного комплекса, а там я дойду. Там недалеко, – скромно ответила Анна.*

– *Нет-нет. Так не пойдет. Говорите, куда. И давайте на ты. Ладно?*

– *Ладно. Строителей, 15.*

– *Ну, поехали. Расскажи мне о себе. Ты здесь живешь? Учишься? Работает?*

– *Зачем вам это?*

– *Тебе, – поправил Виктор. – Я очень хочу подружиться с тобой. Ты не против?*

– *Нет. Вы же мой спаситель. Ты... Я учусь. Сейчас в академическом отпуске, после аварии много пропустила. Хожу на слушание, а с нового года пойду на последний курс. Здесь снимаю комнату, ближе к колледжу и чтобы меньше платить, помогаю хозяйке, – она взглядом показала на стоящие сзади сумки.*

– *А вообще, ты откуда? У тебя есть семья?*

– *Да. Мама и брат. Сама я из посёлка. Мы как раз тогда с Галей, подругой, ловили машину, чтобы доехать до города. На автобус опоздали. А до следующего утра Галя ждать не согласилась – у неё встреча на вечер была назначена. Парень её ждал. А я так уж, за компанию. Она же ко мне в гости приезжала, в посёлок, – вздохнула Аня. – Вот и доехали.*

– *Она-то, в порядке?*

– *Да. Сотрясение мозга только, да так, царапины. Неделю в больнице отлежала. Самое интересное, что парень тот, Игорь, ни разу к ней и не пришёл. Это я у её тети комнату снимаю, мы на одном курсе с Галей учимся. Вернее учились.*

– *Тетя-то старая? – усмехнулся Виктор.*

– *Да нет, что вы. Элеонора Георгиевна на шесть лет старше нас, но она очень строгая, любит во всем порядок. Ну, вот мы уже и приехали. Сюда направо, пожалуйста. Вот дом, второй подъезд, – показывала рукой Аня. – Спасибо вам большое! Тебе!*

– *Не-не-не. Так не пойдет. Мы ещё как следует и не поговорили. Разве тебе не интересно узнать немного о своем спасителе? Завтра после семи я буду свободен, так что выглядывай в окно, буду ждать тебя здесь, на этом же месте. Выходи.*

На следующий день, с альми розами и кучей сладостей, он ждал её возле дома, на улице Строителей. Так начался красивый роман между успешным бизнесменом и скромной девушкой студенткой.

Виктор, погруженный в воспоминания, не заметил, как к нему подошла эдакая светская львица. Хороша собой, элегантно одетая. Она окликнула его:

– *Виктор? Витя! – и, не спрашивая разрешения, села рядом. – О чем печаль, милый? Первый раз вижу, что ты пьешь один, да еще водку. Рассказывай.*

Виктор и правда никогда не злоупотреблял спиртным, поэтому его тут же развезло после третьей стопки, которую он, не глядя на даму, выпил залпом. Он долго смотрел на женщину, пока не выдавил из себя:

– Лора? У меня горе. Аннушка умерла, – тут же налив ещё, он снова выпил.

– Тихе-тише. Хватит, дорогой. И так, не в себе. Поссорились, что ли?

– Я же тебе говорю, умерла. Сегодня похоронил. Сына родила, а сама умерла, – разрыдался пьяными слезами Виктор.

– Ну-ну. Давай вставай и пошли ко мне в машину, – успокаивала его Лора. – Надо же, умерла, ну что ж, это меняет планы. Давай держись за меня. Помогите, пожалуйста, – окликнула она охранника. – Муж перебрал немного, – улыбаясь, сказала ему Лора.

4 глава

Третий день, Анна, сидела около своего малыша. Проснувшийся в ней инстинкт материнства, требовал от неё ласки и заботы к этой крохе. Ей хотелось, взять его на руки, обнять, поцеловать, но она не могла этого сделать. Это угнетало и делало её бессильной. А ещё страх! Страх, поселившийся у неё в душе за сына, после встречи с отцом. Страх за мужа, который остался наедине со своим горем. Страх за их будущее. Но ещё ей, во что бы то, ни стало, надо было попасть домой, к Виктору. Это непреодолимое желание разрывало её на части. Находиться здесь несколько дней и не знать, что с Виктором, она не могла и поэтому, глядя на заботливое отношение сестёр к сыну, она решила съездить домой.

Посёлок Лебяжье, находился в сорока километрах от города. «Самое простое, это сесть на электричку и незаметно добраться до места, – размышляла Анна». Первое препятствие на пути стали входные двери. Они были закрыты. Взяться за ручку, никак не выходило, и Анна от отчаянья заплакала. Как назло никто не заходил и не выходил. Глубоко вдохнув, и выдохнув, она собралась с мыслями. Закрыв глаза, Анна резко двинулась на дверь. Мгновение, и за плотным кольханием, которое она почувствовала закрытыми глазами, она выпала на крыльцо роддома. «Невероятно! – пронеслось в голове». Поднимаясь и по привычке отряхиваясь, она заметила, что на ней надета её любимая одежда, а не тот белый бесформенный больничный балахон.

В электричке на неё никто не обращал никакого внимания. Когда в вагон зашли контролер с двумя дружинниками, Анна автоматически вжалась в угол сиденья. Но те, проверяя билеты, даже не взглянули на неё. Переполненная стыдом и страхом, она уже собралась оправдываться перед ними, как заметила, что в вагоне есть ещё один человек, на которого никто не обращал внимания. Это был мальчик. На вид лет шести-семи, рыжеволосый, весь в веснушках, одет в какие-то грязные лохмотья. Он ходил по рядам и заглядывал каждому в лицо, а люди, сидящие в вагоне, не замечали этого – каждый продолжал заниматься своим делом. Когда же он подошёл к Анне, та спросила:

– Ты кого-то ищешь?

Это был неожиданный удар. Мальчонка от страха вжал голову в плечи, и не мог какое-то время говорить и двигаться.

– Не бойся меня, – ласково произнесла Анна. – Ты кого-то ищешь? Да?

– Маму, – протяжно ответил он.

– Маму? А где она?

– Я не знаю, – заплакал он и утирая грязным рукавом нос, добавил: – Я давно её ищу.

Анна заметила, что никто не обращал внимания на его плач. И чем громче он плакал, тем громче смеялись дети, играющие на соседнем от них сиденье.

– Садись рядом, – двигаясь, предложила она. – Садись. Поговорим.

– Со мной никто не разговаривает, ты вот первая, – промямлил он, усаживаясь рядом с Анной. Рёв сошёл на нет, и он, хлюпая носом, стал рассказывать следующее: – Я только помню, как мама сидела рядом, и к нам подошли какие-то дяди. Они стали смеяться надо мной и мамой. Называли нас бомжами и огрызками. На маме порвали платье. Стали лезть к ней. Я начал заступаться, и получил удар по голове. Когда очнулся, то уже было утро, в вагоне сидело много человек, а мамы не было. Вот я и ищу её, – опустив голову, грустно закончил мальчик.

– Может, она сошла на какой-нибудь станции? – понимая абсурдность вопроса, все же спросила Аня.

– Не-а. Она бы меня не бросила.

– Хочешь, поедem ко мне, – предложила Анна.

– Не-а, я мамку буду искать. Не-е, тетя, спасибо! Я уже привык. Да и мамка знает, что я только в этой электричке потерялся. Не-е, тетя, буду мамку искать.

– Ладно, дружок, мне пора, – она подтянула его к себе и нежно обняла. Затем встала и направилась к выходу. – Удачи тебе, малыш! – прошептала, обернувшись, Анна и помахала напоследок ему рукой.

Он стоял и улыбался ей, а она шла и чувствовала всю трагедию его положения. Он был такой же, как она – зависший между небом и землей. Ей было страшно проводить грань между ним и её сыном. И когда в голову пришла эта мысль, она её быстро отогнала.

– Прощай малыш!..

На удивление быстро она оказалась возле ворот небольшого, но красивого двухэтажного особняка. В Лебяжьем, в основном, проживали зажиточные люди. Никто и не знал, почему так называли поселок, озеро было рядом, но никто никогда не видел здесь лебедей. Особняки утопали в могучих соснах и елях. На краю посёлка стояло несколько простых крестьянских домов с подворьями, в которых проживали те, кто работал у этих самых зажиточных людей.

К Анне с Виктором тоже приходила женщина раз в день, чтобы сделать уборку. Поначалу Анне было неловко перед ней, ведь она и сама могла всё это делать. Но Виктор объяснил ей, что работы на всех в посёлке не хватает, а так, женщина могла кормить свою семью и Анна согласилась. Вера, так звали помощницу, добрая, полноватая, но по-деревенски проворная женщина, стала не только уборщицей в доме, но и отчасти близким человеком для их семьи. Но почему-то сегодня Вера, пришла не в три часа, как обычно, а в шесть, как раз тогда, когда у ворот стояла Анна.

Нажав кнопку вызова, она попросила охранника открыть двери. Анна юркнула вслед за женщиной. Опередив Веру, она поднялась в спальню. Накопившаяся за день эмоциональная тяжесть дала о себе знать.

– Надо же, приведениям тоже хочется спать, – усмехнулась она сквозь сонную зевоту.

Анна легла на пустую кровать, и в ожидании Виктора, быстро уснула.

Разбудили её звуки, доносящиеся за дверь.

– Ну же, занеси его в спальню, – злясь, говорила охраннику Лора.

– Что с ним? – поинтересовался тот, поддерживая своего хозяина, который автоматически изредка с помощью его, передвигался сам.

– А тебе не всё равно? Пьяный он. Клади его на кровать. Осторожней! Всё, свободен! Совсем свободен. Я побуду здесь до утра. Мало ли что, – помогая охраннику, сказала красавица.

– Как скажете. Я ещё зайду, – пробубнил, косясь на Виктора, охранник.

Лора дёрнула шнур бра висящий над кроватью, а затем потушила остальной свет в спальне. Стянув с Виктора ботинки, она начала раздевать его. Анна соскочила и попыталась оттолкнуть её от мужа, но у неё ничего не вышло. Руки проходили сквозь Лору, не причинив ей никакого вреда. Раздев Виктора донага, она стала раздеваться сама. Затем легла рядом с ним и, прижавшись к его телу, тоже уснула.

Анна сидела возле мужа и горько плакала. Ей казалось, что она попала в страшный сон, в котором она ничего не могла сделать. Отказываясь верить в происходящее, она плакала навзрыд.

– Аннушка! Родная! Почему ты плачешь?

Анна вздрогнула, и медленно подняла голову от своих намокших от слёз ладоней. Виктор, приподнявшись на локоть, смотрел ей прямо в глаза.

– Аннушка, ты почему плачешь? Что случилось, родная?

– Витя, ты меня видишь? – неуверенно произнесла Анна.

– Конечно, вижу. Тебе приснился страшный сон?

– Да, – качая головой, шепотом произнесла Анна, боясь спугнуть наваждение. – Да. Мне приснился очень страшный сон.

– Я так соскучился, – простонал Виктор. – Знаешь, мне тоже приснился страшный сон. Будто ты умерла Аннушка. Просто какой-то кошмар.

Он сел рядом с женою, обнял и стал нежно целовать её лицо.

– И мне тоже приснилось, что я умерла, – отвечая на ласки мужа, говорила Анна.

– Видишь, потрогай меня, это всё неправда. Иначе бы я не целовал тебя, – улыбаясь, говорил Виктор.

– Витя, послушай! Запомни, что я скажу тебе! Найди хорошую, добрую няню для сына. Когда привезёшь из роддома Данилу домой, заботься о нём за нас двоих. Я, кажется, не смогу справиться одна.

– О чем ты говоришь, Аннушка? Конечно. Ты сама выберешь няню.

– Прошу тебя, береги его. Запомни, – его зовут Даниил. Это моя последняя просьба. Береги нашего сына!

Виктор обмяк. Рука потянулась к глазам и, накрывшая зевота, откинула его голову на подушку.

– Хорошо, Аннушка. Мы вместе, завтра...

– Я люблю тебя, Витя! И буду всегда любить! – чувствуя, что вот-вот она потеряет связь с мужем, крикнула Анна.

– И я тебя люблю, родная моя... – дожевывая слова, сказал Виктор и тут же провалился в глубокий сон.

Анна ещё долго смотрела на мужа и удивлялась тому, что произошло только что.

В комнату заглянул охранник. Увидев в кровати с хозяином постороннюю женщину, он неодобрительно покачал головой.

Разбудил Виктора звонок телефона. Ничего не соображая, он соскочил, чтобы вытащить сотовый из висевшего на спинке стула пиджака, но заметив, что совсем голый сильно испугался. Обернувшись назад, чтобы взять, что либо, из одежды, испугался ещё больше. Сердце заколотилось так быстро и больно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Схватив со стула пиджак и плавки с брюками, которые валялись на полу, он украдкой выбежал из спальни. Вытаскивая на ходу из пиджака телефон, он лихорадочно вспоминал, что было вчера. Его воспоминания дальше столика в баре никуда не шли. Он спускался по лестнице в комнату охранника.

– Виктор Владимирович, вы уже встали? – подскочил, приветствуя крепкого телосложения молодой человек.

– Откуда она здесь? – нервно спросил его Виктор, показывая рукой вверх.

– Она с вами приехала. Вернее, вас привезла на своей машине. Вы были пьяны. Я помог лечь вам. А дальше ничего не могу сказать, – оправдывался парень.

– Ладно, Никита, разберемся.

Телефон, прекративший звонить, снова дал о себе знать.

– Виктор Владимирович? Это Лариса Дмитриевна. Вы просили позвонить, когда ваш мальчик будет готов к выписке. Завтра с утра малыша можно будет забрать домой.

– Да. Спасибо, Лариса Дмитриевна! Завтра буду, – отключив связь, он опять что-то лихорадочно вспоминал и, подойдя ближе к охраннику, тихо спросил его: – Никит, похороны вчера были?

Тот, удивлённо посмотрел на хозяина и молча, утвердительно, кивнул головой.

Всё это время Анна, как тень следовала за Виктором по пятам. Одевшись, он поднялся наверх. Постоял несколько секунд у двери спальни и, собравшись с духом, толкнул дверь. Лора, ещё спала, свободно раскинувшись на постели. Тряся её за плечо, Виктор спросил недовольным голосом:

– Объясни, что ты делаешь у меня в постели?

– Объясни? – подскочила, возмущенная красавица, выставляя напоказ свое красивое тело. Медленно потягиваясь, она стала одеваться. – Объясни что? Как нам всю ночь было хорошо вместе? Как ты, словно заведенный, не слезал с меня? Это объяснить?

Виктора распирало нагрубить ей, но он сдержанно сказал:

– Извини, у меня много дел, ты не могла бы уйти сейчас? И ещё! Завтрака предложить не могу. Дела. У тебя думаю тоже.

– Что за тон? Я совсем не узнаю тебя, – лисьим голосом запела Лора. – Может, продолжим вечером?

– Нет, – резко ответил Виктор. – Извини. Давай Лора, поторопись.

– Во, гад! – выругалась она, когда тот вышел и пригрозила: – Аукнется!

Виктор, не дожидаясь, когда спустится Лора, велел охраннику проводить её за пределы его дома и без его ведома, больше не впускать эту гостью. Сам же он направился к окраине поселка, где жила Вера со своей семьей.

Подъехав к небольшому домику, возле которого играла детвора, он попросил одного из мальчиков вызвать из дома мать. Вера вышла сразу, её круглое лицо было красным, на плече висело полотенце, а в руках она держала тарелку с горячими пирожками.

– Угощайтесь, Виктор Владимирович! Вот пеку ребятам, – добродушно улыбаясь, сказала женщина, протянув ему вкусно пахнущую стряпню.

– Спасибо, Вера! – он взял один пирог и из уважения к хозяйке стал, есть, нахваливая, кивками головы. – М-ммм... Вкусно! С капустой. Мои любимые. Вера, у меня к вам большая просьба. Завтра я привезу сына. Вы можете провести генеральную уборку в доме? Комнату подготовить, расставить, разложить... Ну, вы понимаете? Помочь покупки сделать. Вы же всё знаете, что надо для малыша. Вон у вас их сколько.

– Да нет, тут всего один мой. Вон тот бутуз, – показала она на мальчугана, которого из толпы выбрал Виктор, чтобы позвать мать. – А остальные соседские. Но вы не переживайте, конечно же, я вам помогу. Вы подождите минутку, я соберусь, да своих предупрежу, – и, забрав с собой тарелку с пирожками, скрылась из виду.

В машину она уже садилась с термосом и пакетом вкусно пахнущей стряпни.

– Угощайтесь, Виктор Владимирович! Вы, небось, сёдня ещё не завтракали?

5 глава

Пока Виктор был занят покупками и порядком в доме, Анна решила прогуляться. Она вышла на аллею, по которой когда-то они любили бродить и впервые, за долгое время, вновь окунулась в чувства прошедших дней. Вековые деревья, нависшие кружевной аркой над вымощенной природой и людьми широкой дорожкой, придавали особую стать этому месту. На протяжении всего пути, изредка стояли большие, словно диваны, резные лавочки. Здесь всегда можно было встретить воркующие влюбленные парочки, либо старую чету, медленно гуляющую вдоль аллеи. Кто-то, через неё, шёл в церковь, которая находилась на самом высоком месте поселка, а кто-то просто гулял с детьми.

Аня присела на край первой попавшейся скамьи. Парень, сидевший рядом, читал книгу, и постоянно что-то бубнил себе под нос, запоминая прочитанное. Рядом с ним сидела худощавая старушка. Похоже, она дремала, сложив крест-накрест на своей груди, костлявые руки.

Анну же, уставившую свой взгляд прямо перед собой, унесло далеко в воспоминания, в которых Виктор, шёл следом за ней, по этой самой аллее, а она весело кружась перед ним, светилась от переполняющего её счастья.

– Ань, ты чего сегодня такая счастливая? – спрашивал, смеясь, Виктор. – Есть повод?

– Да, есть, – весело, дурачась, отвечала Анна. – Тебе кого больше хочется, сына или дочку?

– Ты беременна? – догадался он.

– Да, да, да! Ты не рад?

– Рад! Очень рад! Давай попробуем родить сына! – кружа её в объятьях, говорил Виктор.

– Давай, – заразительно хохоча, отвечала ему Анна.

Тут же она вспомнила, как почти год назад, после знакомства с Виктором, Элеонора Георгиевна подошла к Анне и попросила освободить комнату, объясняя тем, что выходит замуж. Анне ничего не оставалось, как поехать к Гале. Та пустила её в свою комнату на несколько дней. Узнав это, Виктор тут же увез Анну к себе и сделал ей предложение. Свадьбу играть не стали по просьбе Ани. Организовали небольшой праздничный ужин, где объявили, что теперь они муж и жена. В самом начале ужина произошёл небольшой конфуз. Когда они принимали гостей, в двери вошла Элеонора Георгиевна.

– Лора! Спасибо, что пришла, – обнимая, приветствовал он гостью. – Познакомься, это моя Аннушка.

– Очень приятно, – делая вид, что впервые видит Анну, улыбнулась Лора.

– Проходи, пожалуйста, – предложил Виктор даме, Анне же сказал: – Это мой партнер по бизнесу. Не ревнуй, она хоть и красивая, но не в моем вкусе.

Улучив момент, Элеонора Георгиевна на кухне вплотную подошла к Анне и процедила сквозь зубы:

– Да, Швыдка ты девочка.

Почему Лора не призналась Виктору, в том, что они давно знакомы с Анной, она поняла только сейчас. Лора так хотела заполучить её мужа, что упасть в его глазах не входило в её планы. Она ещё надеялась на взаимность. И то, как Анна в уплату за комнату работала на неё, знать ему было ни к чему. Анна тоже молчала. Ей было неловко и стыдно – из грязи да в князи.

Вспомнив Лору, лежащую в постели с мужем, она заплакала в голос, зная, что никто её не услышит. Старушка, только что дремавшая под бурчание юноши, встрепенулась и повернулась к Анне.

– О чем же ты так горестно плачешь, детка? – устало спросила она, дотрагиваясь своей морщинистой рукой до колена Анны.

Мокрое от слёз лицо Анны окаменело. Её округлившиеся глаза смотрели на старушку то ли с ужасом, то ли с удивлением.

– Бабушка, вы мне? – наконец выдавила из себя Анна.

– А кому ж еще? Рядом-то больше никого-то и нету. Парень, так он сам себе бубнит под нос. Уж который день приходит сюда. Всё учит чего-то. То про царей, то про Ленина, то про Сталина... Надоел уже мне. Пусть погуляет. А мы с тобой поболтаем немного.

Она встала, кряхтя, подошла к нему вплотную и ладонями захлопнула книгу. Получился такой сильный хлопок, что парень даже ничего не понял. Он огляделся по сторонам и снова открыл книгу.

– Э-хе-хе, бестолочь. Иди, погуляй милый, – на это раз она снизу ударила ладонью по переплёту, так что книга сама выскочила из рук молодого человека.

Здесь уже парень испугался не на шутку. Подобрал с земли книгу, и постоянно оглядываясь, он быстрым шагом стал уходить прочь. Старушка рассмеялась.

– Знаешь, тут одна дурочка тоже книгу сидела, учила. Только книга та про разные колдовства была. Сидит себе читает внимательно так, на память вслух заклинания учит. Смешно и жалко мне её стало. Думаю, сейчас я тебе покажу фокусы-покусы. Вот так же книгу ей раз, два захлопнула, так она с перепугу-то и дёрнула. Всю дорогу, «мамочка» кричала. А потом в церкви её видела на молебне. Стоит, Бога о защите просит от нечистого. А вчера её видела, так уже и благодарит его, мол, защищает хорошо. Поклялась в книги такие больше нос свой не совать.

– Бабушка, вы тоже приведение? – осторожно спросила Анна.

Та засмеялась пуще прежнего.

– Тоже, тоже, – подтвердила она. – Что детка, маешься? Видать ещё не привыкла. Я то, уж какой годок слоняюсь тут. Рассказывай!

Анна рассказала ей и про роды, и про ребенка, и про мужа...

– Да, сердешная ты моя, – выслушав, покачала головой старушка. – Ладно, домой тебе пора. Устала я что-то. Будет надобность, найдешь меня здесь или в церкви. Поняла? Зовут-то тебя как?

– Аня.

– Значит тезки мы с тобой. Меня тоже кличут Анной, но ты зови меня бабой Нюрой. Мне уж по-старому больше нравится. Ладно, иди. Пора тебе!

Анна, мотнув одобрительно головой, встала и пошла в сторону дома.

– До свидания! – крикнула она.

– Еще поболтаем. Иди, иди, – махала ей вслед старушка.

Анну переполняли радостные эмоции – теперь она была не одна. Она так сильно увлеклась этой радостью, что не заметила, как прошла сквозь закрытую калитку и входную дверь, поднялась на второй этаж в спальню, легла на край кровати и уснула.

6 глава

– Лариса Дмитриевна, – говорил в трубку Виктор, – Вы не можете мне с няней?

– Да, конечно! – ответила она и, сделав паузу, предложила: – У нас здесь сокращение было. Так вот! Под сокращение попала детская сестра. Мне очень жаль, что она потеряла работу. Хорошая, добросовестная молодая женщина. Своих детей у неё нет, но опыт работы с детьми получить успела. Недавно развелась с мужем.

– Вы поговорите с ней. Думаю, она подойдёт нам.

– Да! Хорошо!

На следующий день с букетом цветов, сладостей и сумкой детских вещей Виктор подъехал к роддому.

– Приехал! – улыбаясь в трубку, воодушевлённо сообщила дежурная и раздражаемая любопытством, вышла в зал ожидания из своих апартаментов.

По коридору, вместе с Ларисой Дмитриевной, которая несла ребёнка, шла будущая няня – та самая детская сестра, которая сразу согласилась на эту работу.

– Знакомьтесь...

Анна, ходила из угла в угол, то резко садилась на диван в холле, то снова соскакивала и начинала ходить, поглядывая на висящие часы. Ей казалось, что стрелка на часах специально замедлила ход, а приезд мужа и сына, кем-то оттягивался. Ожидание было томительным. Как только Виктор с ребёнком на руках и няней, переступили порог дома, Анна резко успокоилась.

– Пожалуйста, сюда, – приглашая рукой в детскую комнату, сказал Виктор. – Это комната сына, а Ваша комната находится рядом. А так же рядом я распорядился сделать кухню, чтобы Вам было более комфортно ухаживать за малышом.

Он аккуратно положил спящего сына в кроватку и пригласил пройти следом за ним. Анна, проделывала тот же маршрут, что и они.

– Познакомьтесь, это Вера. Она будет приходить убирать в доме и приносить продукты. Всё, что необходимо, пишете на отрывном листке. Вот они, – и он показал на встроенную в углу полку. – Вешайте их магнитом на холодильник. Я и Вера всегда будем знать, что необходимо. График работы у меня не нормирован, поэтому, когда точно буду дома, не знаю. Но сына надеюсь видеть как можно чаще. Все жалобы и претензии принимаются в том же порядке. Вера, это Наталья Александровна, няня Даниила, прошу любить и жаловать. Ну, всё, устраивайтесь здесь. Знакомьтесь, помогайте друг другу, я всё оплачу. Да, кстати, самое главное – для сына всё находится здесь, в отдельном кухонном шкафу.

– Виктор Владимирович, всё готово к празднованию! – засмеялась Вера, показывая в сторону накрытого стола. – Надо отметить рождение Вашего сыночка!

– Конечно, Вера, конечно. Пригласите ещё Никиту. И никакого спиртного! И ещё! Простите, я смогу посидеть с вами, – он взглянул на часы, – минут двадцать. Работа.

Анна сидела около кроватки сына и любовалась им. Ей был приятен радостный гам, доносящийся из кухни – душой она радовалась вместе с ними.

Наташа (как стала звать её потом Вера), оказалась добросовестной няней. Всё своё несостоявшееся материнство она с нежностью отдавала ребенку.

Прошло несколько дней.

Анна, доверяя Наташе ребенка, могла уже выйти прогуляться по аллее. Ей хотелось увидеть бабу Нюру и рассказать, как прекрасен её малыш. И может даже пригласить в гости.

– Да ты прям вся светишься! – скрипящим голосом приветствовала Анну баба Нюра, сидящая на той же самой скамье.

– Ох, баба Нюра, как я счастлива! – улыбаясь ей, отвечала Анна.

– Да. В твоём теперешнем положении это самое лучшее.

Веселая улыбка моментально слетела с губ Анны.

– Да ты, дочка, не обижайся. Садись, давай рядом. Как там твой малыш? По нему так от счастья убиваешься?

– Ой, баба Нюра, он такой хорошенький, спокойный. Нянечку Витя ему нашел хорошую. Добрая женщина, всё на совесть делает, как своего голубит. А я, баб Нюр, нисколечко не ревную его к ней. Вот и к вам решила сходить, потому что доверяю ей.

– Это хорошо милая. Дай-то Бог!

– Баба Нюра, я вот хотела спросить, может, вы о себе, расскажите? Что-то мучает вас или мне так кажется?

– Да не знаю, интересно тебе будет об старой-то знать?

– Интересно, баба Нюра. Вы мне теперь, как родная. Я вот три дня вас не видела и уже так соскучилась. Одна вы у меня здесь. Только вам и могу душу излить.

– Спасибо на добром слове, дочка. Сколько я тут повидала «нашего» брата, да только ты и запала мне в душу. Тоже соскучилась, – потрепала Анну за руку баба Нюра. – Ну, а если интересно, расскажу о себе. Слушай! Я-то, в девках, шибко красивая была, – начала свой рассказ баба Нюра. – Коса одна чего стоила! С кулак толщиной, ниже пояса. Волос на висках вьётся. Одним словом хорошее украшение для моего красивого девичьего лица было. Жила я в маленькой деревеньке, кругом тайга. Всё на виду. Любила я парня одного, Степаном звали, и он меня любил. Только вот отец был против нашей с ним любви. Бывало, узнает, что с ним встречаюсь, так с порога вожжами охаживал. Бедные они были, из скота одна корова и та нукудышная была. А тут у зажиточных соседей сын пришел с военной службы, да на меня глаз положил. Ходил он за мной по пятам. Хоть лицом его Бог и не обидел, да только не мил он мне был. Стал он к отцу с бутылочкой захаживать. Посидят-посидят... А потом отец меня уговаривать начал замуж за него идти. За Мефодия, стало быть. Я ни в какую. Так они с матерью меня насильно за него отдали, когда сваты пришли. За это он дал им два десятка кур, пару овец, да десять соток земли. Так я стала женой не любимого мной человека. Сперва он терпел мой строптивый нрав, а потом и за косу и за вожжи братья стал. А когда и кулаками проходил по моему девичьему телу.

– Так вы бы ушли от него, баба Нюра, – переживая советовала Анна.

– Не принято было тогда уходить. Позор! Со Степаном на дорожке встретимся, посмотрим друг на дружку, да дальше идём, каждый своей дорогой. А злые языки собирают, да Мефодию послаще, попридуманнее рассказывают. Тот вообще мне на улицу запретил выходить. Пить стал. А как напьется, бил меня почем зря. Забеременела я, думала, изменится, беречь будет. А он взял себе в голову, что дитя это Степаново. Так ещё, пуще прежнего бить стал. К матери с отцом убегала, так те меня назад, к нему гнали. Отдыхала от него душой и телом только когда тот на охоту уходил в тайгу. Я уже на седьмом месяце была, когда он, в очередной раз, напившись, бросился на меня с кулаками. Побежала от него, он за мной. Был сильно пьян, ногой за скамью зацепился да со всего маха головой о печь. Тут же свалился замертво. Лежит, а я подойти боюсь, вдруг как схватит. Присела на кровать, за спинку держусь, колотит всю, ноет, куда стукнуть успел, а сама живот поглаживаю, чтоб дитя не так больно было и трепетно. Долго

смотрела на его распластавшееся огромное тело и решила потихоньку глянуть. Иду, ноги трясутся. «Мефодий, Мефодий...», – зову, а он то и не откликается. Подошла, тронула его, вижу, он мертвый лежит, а по лицу струя крови, а на полу уже лужа целая, глаза вытаращил, аж жуть. И пришла мне в голову мысль утащить его ночью в лес да закопать, а всем сказать, что, мол, с тайги не вернулся. Так и сделала. Всю ночь тащила его, потом следы заметала, кровь на полу да на печи отмывала, да отскабливала. Под утро свалилась от усталости, да уснула. Да только он во сне всё гнался и гнался за мной. Бегу, ору, как оголтелая. Проснулась от болей в животе. Еле как до бабки-повитухи добралась. Та сразу на дощатую кровать меня, воду на печь. Думала, сдохну. Но ничего, мужик мой меня к болям-то закалил. Дитя пошло неправильно, порвалась я вся. Бабка, простыней, свёрнутой в жгут, выдавливала из меня дитя. Родилась девочка, крохотная. Ручка и ножка сломанные и сросшиеся неправильно, торчали в стороны. Они совсем не двигались, и были синего цвета. Сама она издала еле слышный писк и затихла. Повдоль всей головки сплошной красный кровоподтёк. Страшно было смотреть на неё. Бабка-повитуха про меня забыла, на дитя уставилась. Ну, думаю, всё, ославит так, что житья мне здесь не будет больше. «Антихриста ты родила! – говорила мне она, то и дело крестясь, да отмахивалась руками. – Свят-свят-свят!» Бедная девочка и десяти минут на свете не прожила. Тихо так умерла. Сгребла я тут же её с первой попавшейся тряпкой и бегом домой. Бегу, с меня всё льется, от болей корчусь. Прибежала, закрылась и сижу тише воды. Ночью дочку на заднем дворе схоронила. А утром к Мефодию мужики пришли. Я сказала, что он из тайги ещё не вернулся. Ну, те и ушли. А через два дня собаки в лесу тело его отрыли. Шум в деревне поднялся, стали косо на меня смотреть, про дочку тоже прослышали, так совсем меня отовсюду гнать стали. Тяжело мне жить среди людей стало. Обозлилась я на них, да и, вообще, на весь свет. В Бога верить перестала. Собрала я в узелок вещи свои, да еды на дорогу, заколотила окна, двери и ушла из деревни прочь.

– А как же Степан? Он же любил вас, – спросила её Анна.

– А что Степан? И он от меня отвернулся. Не пошёл против людей. А я уже знала, куда мне идти. Земля слухами полнилась. За топкими болотами жила старая знахарка. Все ведьмой её звали. Вот к ней-то я и подалась. Не знаю, каким чудом прошла я все эти болота... Нашла ее лачугу и стала к ней проситься в ученицы. Но та меня сразу не приняла. Жестко меня встретила, выгнала. Я три дня возле её дома в деревьях жила, продрогла вся, заболела, с голоду сознание стала терять. Вот такую она меня и нашла. Только вот очнулась я уже в тепле, на кровати. Старушка эта у печи с отварами что-то колдовала. Меня пить заставляла, обтирала моё тело травами настоящими. Через недельку была уже, как новенькая. «Ладно, – говорит она мне, – оставайся, мол, живи у меня, будешь помогать, а заодно и посмотрю, на что ты способна». Про меня она ничего не спрашивала, говорила, что и так всё знает, да и про себя мне никогда ничего не рассказывала. Многому я у неё научилась. Мефодий всё ко мне по ночам приходил во снах, орала дурниной. Так он в одну из ночей опять мне приснился, да все грехи начал мои вспоминать, да кидаться на меня драться, а я ору, отмахиваюсь, терпенья уж нет. Тут вижу, у него за спиной дерево огромное вырастает, сухое такое на вид, как рогатка детская, а через него, по поясу Мефодия, какая-то сила, веревку тянущуюся повязала, да концы её к обоим стволам закрутила. Сжался Мефодий, что есть сил, держится, а дерево то всё дальше и дальше удаляется, а верёвка натягивается. А потом как закричит он мне: «Проклинаю тебя и детей твоих!» И словно из рогатки пульнули им, прямо через это дерево, куда-то в огромное пространство. Проснулась я, лицо от слез мокрое, а рядом стоит старушка и держит в руке рогатину. Дверь настезь, а в проёме залитое светом пространство. «Ну, вот и всё, – сказала она мне, и пошла прочь. – Больше он к тебе не придет». Закрыла дверь, прилегла на свою кровать и захрапела. Понравились мне такие чудеса пуше прежнего, захотелось научиться всем этим штукам. И научилась. Довольная она была моими успехами, а как поняла, что передала мне уже всё, что сама имела, так и легла помирать.

– А как же вы, баб Нюр? Остались там вместо неё? – спросила Анна.

– Какое-то время, да. Люди ко мне приходили, знамо, зачем. А как я в себе силу-то почувствовала, удержу мне не было. Молодая ещё была, тридцати годков не было. Подалась в деревню свою, хоть и знала, что там увижу, да убедиться мне надо было. Так и есть. Отец с матерью угорели ночью, схоронили их уж, как год. Степан женился, деток завёл. Через зло, затаенное на него, и ему и жене сделала, чтобы пил, да жену бил. Много я кому там чего сделала, вся деревня платила за моё поругание. Ушла оттуда я, сразу затерялась в очень большом селе, который и город не город, и деревня не деревня. Меня там никто не знал. Полюбился мне там парень, присушила, приворожила. Весь мой был. Вышла замуж за него, родила дочь, красивую, здоровенькую. Счастливее меня никого, наверное, не было. Только вот не уберегла я своего Анатолия. Видение видела о смерти его, как да что, дня только не знала, а то бы на работу не пустила. Автобусом его придавило, когда он под ним лежал, чинил. Поставил, как их там, на эти домкраты, а они в стороны-то и ушли. Людей он возил на этом автобусе на работу. Думала, не выдержу горя такого, да дочка на радость и утешение осталась.

– А люди к вам больше не приходили? – спросила Аня.

– Нет, не ходили. Решила – сама судьей всем буду. Померло много тех, кто дорогу перейти хотел, а кто и заболел так, что по сей день мучается. В общем, творила я ужасное. Хотя думала всегда, что делаю справедливое – этого, мол, человек сам заслужил. Только вот на детках моих всё и аукнулось. Дочь выросла, вышла замуж, родила сына и дочь, а через какое-то время сошла с ума. Чего я только ни делала, не подвластна мне болезнь оказалась. Прописалась она в лечебнице, потому, что дома вела себя совсем нехорошо. Видения она всякие видела, с какого-то ужасного страшного мира. Снотворные ей на ночь не помогали, так и лезла на стены от страха, от своих видений. И прогнать и закрыть их я не могла. Прожила она так года три и умерла. Только на ней всё не закончилось. Внук стал принимать наркотики, умер от передозировки. А внучка, так же, как и её мать, сошла с ума.

– Где она сейчас? – спросила Анна после долгой паузы.

– Я пришла навестить её в больнице. Мне разрешили погулять с ней по коридору. Она была спокойная, говорила нормальные вещи, но страх не покидал меня. Я знала, что с ней говорим мы в последний раз. Когда мы подошли к открытой двери, которая предназначалась для эвакуации больных в экстренных случаях, она, отпихнув в сторону рабочего, который что-то чинил в двери и, схватив меня за одежду, потащила с собой. Силища в ней проснулась недюжая, меня словно перышко тащила. И вот мы уже за дверью на железной лестничной площадке. Она кидается вниз, и я лечу за ней тоже. Четвертый этаж. Внизу какие-то ремонтные работы. И на всё это дело со всего маху. И вот мы встали, я смотрю на неё, а она взад пятится и кричит мне в лицо: «Это всё ты! Это всё ты! Всё из-за тебя! Я всё видела про деда одного и другого, мать, брата. Это всё из-за тебя!..» И тут небо расступилось, и появилась старая женщина, в ней я узнала мать мужа моей дочери. Она подошла к ней, обняла за плечи и повела её, успокаивая, куда-то с собой. Прошли они немного и исчезли, а я стояла потрясенная. А когда очнулась, увидела, как все бегут к этому месту, кто-то кричит, что надо вызывать полицию, скорую. На насыпанной куче щебня лежали два тела – моё, и внучки. Стояла я долго, всё ждала, то ли наказания, то ли того, кто придет за мной. Но за мной никто не пришёл, и вообще, я была никому не нужна. Вот хожу теперь, как неприкаянная, грехи свои замаливаю, о смысле жизни думаю. И пришла к таким выводам, что хоть в таком обличии, но помогать людям должна. В церкви слёзно прошу, чтоб все мужья да деточки меня простили. А недавно заснула, так сон увидела: пустыня, деревья сухие стоят, а на них люди висят, цепями привязаны. Солнце жарит, ни воды, ни еды им не дают. И мучаются они уже, кто сколько, кто и вечно. А деревьев пустых ещё множество. Вижу, очередь стоит. Стол. За ним человек сидит, что-то записывает. И вдруг, как гром, во всё небо заговорит! «Следующий!..» И два огромного роста человека, хватают из толпы женщину и ведут к столу. Тут я и поняла, что это все так называемые колдуны да

ведьмы на деревьях висят. Встала я в очередь, жутко мне стало. На этом и проснулась. Фу-ты, а я уж думала, всё, попала, куда мне следовало бы. Ан, нет, вот опять здесь. Не берут меня, Анечка, никуда, а ведь и тут я устала одна. Вот Бог тебя послал. Всё старой утеха.

– Может, ко мне в гости, а? Сыночка моего увидите, – предложила Анна.

– А не боишься? – глядя ей в глаза, спросила баба Нюра.

– Нет баб Нюр, не боюсь, – обнимая старушку, сказала Анна. – Я верю, что вы добрый человек, просто жизнь у вас так сложилась. Я жалею вас сильно, баба Нюра.

– Нет, милая моя дочка, не пойду я сейчас с тобой. Расчувствовалась я. Хочу побыть одна. Устала. Ведь я никому никогда не рассказывала о себе.

– А где вы сейчас живете?

– Да, где понравится. Я в любом доме могу заночевать, где тихо, мирно. Знаю тут уже всех, да и всё обо всех. Помогаю, чем могу. Только вот некоторые чудес таких боятся. Стараюсь не пугать, но всё-же кое-кого и попугать следовало бы. Ладно, дочка, иди. Знаю, где ты живешь, может, и приду. Когда и сама приходи.

Она встала, опираясь о скамью, и пошла к деревьям. Анна, стояла и смотрела ей вслед. Баба Нюра обняла дерево, и тихо заговорила с ним. Постояв ещё с минуту, Анна развернулась и отправилась домой.

7 глава

Прошло полгода.

С бабой Ньюрой Анна виделась раз в неделю. Этим встречи были долгожданными и тёплыми. Они рассказывали друг другу обо всем, что происходило за это время.

Данила подрос. Уже хорошо сидел. Удивительно было то, что он тоже видел Анну. Это она поняла, когда играючи разговаривала с ним, а он смотрел ей в глаза и лепетал в ответ.

Лора время от времени появлялась в их доме. Заходила с Виктором к Даниле, и пыталась играть с ним, одаривая какой-нибудь игрушкой. Но Данила почему-то не любил её, отворачивался и начинал хныкать. Виктор же, как можно чаще старался находиться дома с сыном. Работа и сын поглощали его всего целиком.

Наташа справлялась и уже была частью их семьи. С Виктором у них были отношения хозяина и няни его сына, не более. Он с теплом и уважением относился к ней.

Павел за это время навещал племянника четыре раза. Анна была благодарна брату. Её умиляло его общение с Данилой. Он разговаривал с ним по-взрослому, нисколько не сюсюкаясь, и это было вовсе не грубо, а наоборот, интересно. Интересно самому Даниле. Наташа обычно оставляла их наедине, сама шла на кухню и готовила угощения для гостя. Анна же сидела рядом с сыном и братом, и довольно улыбалась, слушала очередной рассказ Павла о его работе грузчика, обо всех ее тонкостях, вплоть до того, как правильно надо поднимать тяжелый груз, чтобы не сорвать живот и спину. Он соскакивал, начинал брать воображаемый груз, показывая Даниле, как правильно это делать, и изо всех сил кряхтел. Было смешно. Мальчишка махал и повторял движения руками за дядей, при этом издавая одобрительные возгласы и раскатистый смех. Обычно свидание это длилось час, полтора и, отобедав, Павел уезжал опять в город.

Надежда Васильевна, похоронив дочь, занялась своей личной жизнью. С Павлом она практически не виделась, поэтому ей была предоставлена полная свобода. Те деньги, что когда-то приходили от мужа после развода, она откладывала, при этом большую их часть перевела в доллары. Анна и Павел не знали об их существовании. Она считала, что по праву всё принадлежит ей, за отданные молодые годы своему никудышному мужу. А что касается детей, так они молоды и должны, претерпевая унижения, голод и бедность, оттолкнуться от этого, и сделать жизнь свою безбедной и сытой. Когда Анна вышла замуж за довольно обеспеченного человека, она сняла с себя все имеющиеся обвинения в адрес своей совести. Павел же долго трепал ей нервы своей неустроенностью, но помогать сыну она отказывалась наотрез, скрывая от него свои доходы. Поэтому, когда Анна умерла, она сняла часть денег и купила квартиру в центре города. Павлу же сказала, что снимает её. И теперь переехав далеко от сына и знакомых, она жила в своё удовольствие.

Внука она видела всего один раз, когда заезжала на сорокадневную поминку. Умилялась, какой красивый ребенок, но на руки взять так и не захотела. Нашла аргумент: если он вдруг нечаянно срыгнёт, то не в чем ей будет ехать домой, сопровождая свои слова каким-то истерическим хохотом. Распрощавшись, Анна больше не видела мать. За ней в город она не поехала, чтобы узнать, где и как та живёт, а просто проводила взглядом, надеясь, что та, когда-нибудь изменится и они еще с ней увидятся.

Родители Виктора тоже прилетали на сорокадневную поминку. Валентина Сергеевна предложила сыну взять внука на какое-то время к себе, но Виктор категорически отказался. Остаться какое-то время у сына они тоже не могли, работа требовала своего непосредственного участия. Звонили они очень часто, справлялись о внуке и делах Виктора. Если случалось,

что кто-то из знакомых ехал в командировку в Н-ск, то просили завезти внуку подарки. Анне были приятны их заботы о сыне.

И вот спустя полгода началось совершенно другая жизнь.

Погода стояла отвратительная, весь день лил дождь, и казалось, что этому не будет ни конца, ни края. Виктор заскочил в обед домой за какими-то деловыми бумагами, а застал там плачущую Наташу. Та нависла над телефона и, не замечая прихода Виктора, набирала номер.

– Наташа, что случилось? Дан? – закричал с порога встревоженный слезами няни, Виктор.

Наталья вздрогнула от неожиданного появления хозяина, но собравшись, ответила:

– Нет-нет. С Даном всё в порядке, он спит, – всхлипывала она.

– Почему вы тогда плачете?

– Я вот вам звоню-звоню и никак!

– У меня телефон сел. Вы мне скажите, что всё-таки, случилось?

– У меня маму парализовало и теперь придется ехать к ней. С Данилой я уже не смогу находиться.

Наступила пауза. Эта новость застала Виктора врасплох. Он сел рядом с няней, и обнял её за плечи.

– Да, конечно. Наташа, вы не беспокойтесь о нас. Мама – это очень важно, конечно же, поезжайте, – затем поднялся в свой кабинет и достал из сейфа пачку банкнот. – Вот возьмите, – протянул он ей. – Это сумма за год. На билеты и необходимые лекарства. Не так уж много, но на первое время должно хватить.

– Ой, да вы что, не надо! Я возьму только за отработанную неделю, – категорически заявила Наташа. – Вы уже оплачивали мне за все дни работы.

– Берите. Не обижайте. Я не знаю, что бы я без вас делал. И если понадобится помощь, обращайтесь. Обязательно. Сейчас я вызову Стаса, – продолжал Виктор, – и вы можете собираться.

– Хорошо! – Наташа удалилась в детскую комнату.

– Стас! Давай дуй ко мне домой и захвати свежий номер «Из рук в руки». Ну, давай, жду! – говорил Виктор в телефон.

«Да, как всё не к месту, – думал про себя Виктор. – Попробуем объявления. Что ж жизнь есть жизнь».

Наташа вещи собрала быстро. Виктор, заказав такси на вечер, стал ждать Стаса. Тот, потратив на дорогу чуть больше получаса, с газетой в руках уже стоял на пороге дома.

Слёзное прощание няни с малышом ввергли Анну в самый настоящий шок. Она так привыкла, что рядом с её сыном был надёжный и добрый человек, что предстоящая неизвестность легла на неё тяжёлым грузом. ...Проводив Наташу, Виктор со Стасом поднялись наверх в детскую комнату.

– Ты умеешь с детьми? – спросил Виктор Стаса.

– Ты чё? Я даже не женат, а ты говоришь.

– Всё равно будешь помогать. Бери вон ту штуку, – он рукой показал на манеж. – И вот этот столик. Пошли в мой кабинет.

Оборудовав временное место нахождения малыша, они, усадив его в манеже, принялись за вычитку объявлений. Читали долго, разборчиво, с красным маркером в руке, которым обводили более подходящие кандидатуры в няни, время от времени отвлекаясь на Данилу. Анна же могла им помочь только тем, что разговаривала и играла с сыном.

– Мне нравится вот это. Смотри! « Ищу работу няни, желательно грудного возраста. О себе: 47 лет, имею дошкольное педагогическое образование...». Давай, звони! – тыча пальцем в объявление, сказал Стас.

– Да, пожалуй, – Виктор набрал номер. – Здравствуйте! Мы звоним вам по объявлению.

– Да-да. Здравствуйте! – заговорила женщина на другом конце провода. – Сколько вашему ребенку?

– Шесть месяцев.

– Очень хорошо. Плата?

– Думаю, договоримся. Мы не могли бы с вами встретиться? Желательно сегодня. Я приеду за вами машину. Понимаю, что уже поздно, но возникли обстоятельства. Если вас не устроят мои условия, то вас сразу же отвезут домой.

– Хорошо. Записывайте адрес. Жду!

Записав на клочке бумаги адрес, он протянул его Стасу и попросил привезти женщину в целости и сохранности.

– Может, всё будет нормально? А? Данилка? – спросил он сына. – Как же мамы твоей здесь не хватает.

Грустинка в голосе мужа, отозвалась грустью в Анне. Она смотрела на него ласково, ей всё хотелось обнять его. Ком невидимой боли стоял в груди обоих. Впервые за долгое время они были наедине. Она уже не пыталась докричаться до него, а он при всём желании не мог видеть её и слышать. Так сидели рядом два близких и родных человека, разделённых невидимой гранью. Оба с грустью и болью думали друг о друге.

8 глава

Раздался звонок в дверь.

– Иду! – Виктор с Данилой на руках, спустились вниз.

В комнату вошла женщина, сопровождаемая Стасом. Её полноватое тело и добродушная улыбка, которая каким-то мистическим образом была привязана, как маска, не портили её, а наоборот располагали к себе. Сама внешность была, что ни на есть самая обычная – эдакая простушка, не вызывающая какого-либо негатива. Увидев Данилу, она сразу кинулась к нему.

– Ой, да какой он у вас хорошенький! Как его зовут?

– Спасибо! Его зовут Данила.

– У вас хорошо, – осматривая взглядом помещение, продолжала женщина.

– Пройдемте в мой кабинет, – предложил хозяин дома.

Усадив сына обратно в манеж, он взял со стола отпечатанный им документ.

– Вот договор и все предлагаемые к нему условия, можете ознакомиться. Если вас это устраивает, то данный договор завтра же заверим у нотариуса. Как мне к вам обращаться?

– Людмила Ивановна, – ответила женщина. – Вот мои документы, – она протянула взятые из сумочки паспорт, диплом, рекомендации от тех людей, у кого она работала раньше.

– Очень даже заманчивое всё, – прочитав условия договора, сказала Людмила Ивановна. – Я согласна работать у вас. Думаю, нареканий в мой адрес не будет.

– Я очень этому рад.

Ознакомив няню с помещениями, где ей предстояло жить и работать, Людмила Ивановна сразу приступила к своим обязанностям.

– Чего такая физиономия? – озабочено спросил Стас друга, оставшись с ним наедине в кабинете.

Виктор подошёл к бару встроенному в стену и достал бутылку виски.

– Будешь? – наливая себе в бокал, спросил Виктор.

– Братэла, ты забыл, что я за рулём? Давай колись, чего у тебя там за неполадки. Вижу. Не слепой.

Поколебавшись, Виктор всё же начал говорить.

– Когда ты уехал за няней, я вот сидел тут, рядом с Даном и мне показалось, что Аннушка моя, сидела рядом, и ей было так же тяжело, как и мне.

– Да, брось ты. Просто ты этого хотел бы, вот и показалось. Отвлечься тебе надо. Или доктору показаться, – съязвил Стас. – Глюки, что ли?

– Не глюки. Просто чувствую. Нигде не чувствую, а домой захожу, чувствую.

– Давай дом продадим и все дела.

– Я тебе продам! Ну-ка, давай-ка собирайся. Завтра оформишь все бумаги по няне и ко мне. Займемся нашим проектом. Кое-что надо будет уточнить и просчитать. Будешь нужен мне завтра весь день. Учти!

– Ладно, – выдохнул Стас. – Чао-бамбино! Ариведерчи! Гудбай! – кривляясь, он направился к выходу.

– Иди-иди. Утром отзвонишься.

Анну тронули слова мужа.

«Значит, он чувствует моё присутствие, – думала она, – и... – не успев закончить мысль, она чётко услышала мысли мужа. Это новое, открывшееся в ней состояние, поразило её до глубины души».

«Хорошо, что не рассказал Стасу о ночных видениях, когда видел и слышал Аннушку, так же, как его, – думал Виктор. – Вот тогда бы он точно настоял на враче. А мне это ни к чему».

Все равно удивительно. Верить, что всё было реально. Да уж! Впору и самому призадуматься, не съехал ли я с катушек. Только почему-то является Аннушка мне, когда я сильно устаю. Вымотаешься на нет, и в нокаут. А там она, моя Аннушка, и просыпаться не хочется».

Няня проворно справлялась со своими обязанностями – готовкой, стиркой и глажкой. Данила принял её не так любвеобильно, как Наташу, но и не капризничал.

Анна, уже давно не видевшая бабу Ньюру, решила, что именно сегодня можно будет провести старушку. Она отыскала её не сразу. Та, облюбовав себе небольшую полянку, развалившись на траве, грелась на солнышке.

– Баба Ньюра, вот вы где! А я вас ищу, ищу.

– Косточки свои старые грею, – пробурчала она. – Схоронить-то схоронили их, да я-то всё равно их чувствую.

– Баба Ньюра, у меня столько за неделю произошло!

– Рассказывай. Позабавь старуху, а то так скучно. Садись, дочка, рядом, тоже погрейся, да полюбуйся – красота-то какая вокруг!

Анна рассказывала о неприятностях Наташи, о новой няне, которая всем понравилась. Баба Ньюра, слушая её, вдруг выпалила:

– Смотреть за нею надо.

– За кем? – не поняла Анна.

– За няней вашей. Не чистая она.

– Баб Ньюр, не пугайте вы меня. Вы же её не видели, как можете говорить?

– Видела. Я всё вижу. Вернее, почти всё.

Расстроившись, Анна уж было собралась идти обратно домой, но старушка остановила её.

– Ты куда? Да не пужайся ты! Так-то она безвредная баба, на руку только нечистая. Но месяц-другой живи спокойно, ничего тащить не будет. Ну, а в случае чего, гони её, да и всё.

– Как это?

– Да вот так, – и она резким движением руки прошлась по траве и цветам – те легли, как подкошенные.

– Баба Ньюра, научите! – вытаращив удивлённые на траву глаза, вымолвила Анна. – Научите, пожалуйста, как вы это делаете. Я столько раз пыталась поиграть с Данилой в мяч, но он и с места не стронулся.

– Не дошла ты ещё своей головой, не дошла. Слышала, по вере воздастся? Вот и думай, – скрипучим голосом говорила баба Ньюра. – Верить, что ты привидение, так и будь привидением, ходи куда хочешь, проходи через чего хочешь. Куча достоинств в этом. А хочешь играть в мяч с ребенком, так поверь, что ты есть – самая, что ни на есть настоящая. Я вот лежу, кости грею, а ведь их давно в землю закопали. Смекаешь? – вставая и отряхиваясь, продолжала баба Ньюра. – Пойдем, прогуляемся. Ну, так вот... Люди сквозь тебя проходят, а ведь можно и сделать, что наткнется человек на тебя, как на стену и пройти не сможет. О, страху-то натерпится! Верить, и чувствовать мозгами-то надо. Хотя мозгов-то у тебя и нету, – засмеялась старушка. – Иной раз страх людей нам на руку играет. Ну, это уж, когда безобразничают, пужнуть-то и не мешало. А ты знаешь о том, что среди людей нашего брата хоть пруд пруди?

– Как это? – удивилась Анна.

– А вот так это. Такие же, как мы с тобой, ходят везде и всюду. Иные до такой степени умные стали, что даже в спящих людей вселяются. Вселятся, а его самого выгнать стараются. А человеку скажи про такое, он и не поверит. А вот характер-то другой становится, интересы другие, да и, вообще, жизнь другая, чаще всего в худшую сторону. Ведь и вселяются-то те, что

понаглее, да побессовестнее. А есть и другие, вселятся и живут всю жизнь внутри человека по соседству. А что ж ты думала? Не так-то всё и просто. Много могу тебе интересных вещей-то понарасказывать, да только к чему тебе они. Так, голову забивать. Есть и те, кто нас видит и слышит. Дар вот у них такой. Знаю тут одну женщину, дал ей Бог видеть. На Лесной живёт.

– Баба Нюра, так Данилка мой меня тоже и видит, и слышит, – радостно воскликнула Анна.

– Что? Ты не говорила мне об этом. Так тебе неслыханно повезло, радуйся, деточка. Тебе непременно надо научиться играть с ним, а затем ещё много чему. Что ж ты молчала? Ведь он-то не будет пугаться вдруг скачущего мяча или летящего в воздухе самолётика. Дурочка, давно бы уж играла с ним да баловала.

– Ой, баба Нюра, как я рада, что вы говорите мне об этом! Поучите, поучите меня, пожалуйста. Самой долго доходить, а хочется уже сегодня.

– Ишь, скорая. Может не сёдня и не завтра. А может, прямо сейчас? Ну, давай учиться. Сядь вот, – указала на лавку старушка. – Посиди, подумай, сосредоточься. Вспомни, какой ты была. Втяни в себя это и начинай жить по-новому. Ты такая же и осталась, помни это.

Они обе притихли. Каждая думала о своём, а воздух, казалось, наполнялся новой силой, становясь плотнее.

– Ну вот, будем проходить практику на этом комке бумаги. Толкни его! – скомандовала баба Нюра.

Анна, ощутив свои ладони и пальцы рук, убедилась, что их хорошо чувствует, и это придало ей силу и уверенность. Она снова поймала себя на мысли, о новом, доселе не известном для неё состоянии. Толкнув кончиками пальцев комок бумаги, она подпрыгнула от неожиданности, тот слетел со скамьи и упал на землю.

– Да ты быстро учишься, – поднимая комок и ложа обратно на скамью, удивилась баба Нюра. – Давай ещё!

Анна от радости так сильно разволновалась, что, тыча пальцами в бумагу, не всегда добивалась желаемого результата.

– Это ничего, – успокаивала её баба Нюра. – Ничего! Раз получилось, значит и другой раз получится. А вот в воздухе держать предмет, это немного потяжелее. Но думаю, у тебя получится. Умница ты моя!

Целый месяц они встречались, учились, разговаривали и даже шутили над прохожими. Анна усвоила, что все действия начинаются с чувствования тверди под ногами. Этого же правила касалось и то, когда сидят, лежат... Всё это неотъемлемо было связано с чувством тверди, а значит веры в свои собственные силы.

Однажды, мимо них шли юноша и девушка. Парень, так яростно рассказывал юной деве о культе сатанизма, что сразу привлёк внимания бабы Нюры.

– Айда за ними! – махнула рукой старушка Анне. – Чавойто не туда ребятушки направление выбрали.

Зайдя вглубь парка, юноша, после долгого ознакомительного фрагмента о благе сатанизма в жизни человека, спросил девушку:

– Ты с нами? Готова ты, служить Люциферу и вступить в наше братство? Ответь!

Девушка молчала, чем вызвала недоумение и негодование юноши. Он не сдержался и закричал:

– Чего ты молчишь? Я ещё раз спрашиваю тебя. Готова ли ты идти с нами? Говори же!

Девушка снова продолжала молчать, растерянно смотря на своего спутника.

– Курица безмозглая, – снова не сдержавшись, кричал парень. – Сколько я могу в твою тупую голову вбивать простые истины. Мне нужен ответ сейчас. Либо ты со мной, либо мы расстанемся навсегда! Отвечай!

Анну так сильно возмутило поведение юноши, что собрав всё своё негодование в кулак, она, подняв с земли валяющуюся банку из-под пива, бросила в юношу, попав ему в аккурат между глаз.

– Кто здесь? – ища глазами, закричал парень.

Девушка испугано стала озираться по сторонам. Никого! Вокруг стояла тишина. Банка прилетела юноше ребром, образовала тут же красно-синюю полосу, которая пролегла от носа до корней волос во весь лоб. Убедившись в том, что никого нет рядом, потирая лоб, юноша продолжил:

– Видишь, он гневается на меня за то, что ты тянешь с ответом. Это знак! Так ты согласна пойти со мной и служить Дьяволу? Говори!

– Да, – боязливо, ответила девушка.

– Ну, ты скажи, что за бараны! Лезут, куда непопада и за собой тянут, – недовольно, бурчала баба Нюра. – Бери Аня палку, поучим молодёжь жизни. А-на-на, а-на-на... – приговаривала она, ударяя со всей силы парня по заду. Когда тот выгибался, выпячивая вперёд живот, она кулаком била его по пузу. И продолжая дубасить его, приговаривала:

– Изыди, порча проклятая! Изыди!

Девушке тоже доставалось от Анны. Не так сильно, но страху натерпеться можно было. Та, пытаясь, убежала, пока упав на колени, не взмолилась.

– Боженька, защити меня! Пожалей, Боженька!

После этого Анна перестала бить её и отошла в сторону. Она смотрела на неё, и ей до глубины души было жалко эту плачущую, как маленькая девочка, девушку.

Парень, всё ещё отмахиваясь от ударов, бежал прочь. Баба Нюра оказалась ещё и прыткой бегуньей, её удары рукой и палкой доставались ему по спине, рукам, ногам. И вдруг он как закричит:

– Господи! Защити меня, Господи!

Палка зависла в воздухе и упала, и других ударов больше не последовало. Изумленный всем происходящим, потрясенный, он упал на спину и громко зарыдал.

– Ничего, ничего полезно, – говорила, жалея его, баба Нюра. – Пусть поплачет сынок. Очистится.

Заплаканная девушка, подошла к нему, села рядом с ним на колени и стала успокаивать, глядя по волосам, как маленького ребенка, всхлипывая и утирая бегущие по щекам слёзы.

– Вадик, ну ты чего? Не плачь, Вадик! Вставай!

Помогая ему встать, она продолжала говорить с ним ласково. Он поднялся, и обнял её за спину.

– Да. Пошли. Прости меня, Лен. Прости!

Баба Нюра с Анной ещё долго слышали их удаляющиеся голоса.

– Ну, вот и хорошо, – сказала им вслед баба Нюра. – Ну, вот и ладненько.

9 глава

Этот месяц и последующие два складывались удачно. В доме было всё прекрасно. Няня справлялась со своими обязанностями на отлично. Анна тайком от неё играла с сыном, чтобы та не видела, какая фантазмагория творилась в детской комнате. Виктор со Стасом заканчивали проект. Лора, как главный менеджер участвовала тоже, соблюдая свои интересы. Анна уже ни о ком не думала плохо и уж вовсе не предполагала, что всё в один прекрасный день рухнет. И этот момент настал именно сегодня.

Людмила Ивановна, покормив на кухне Данилу, отнесла его в детскую и, усадив в манеж, пошла обратно.

– Поиграй, малыш. Я сейчас, – сказала она, скрываясь за не закрытую дверь комнаты.

Анна, чтобы малыш не скучал, начала с ним разговаривать. Она рассказывала ему придуманную на ходу сказку, а тот сидел и внимательно слушал. Но вот он зазевал чаще и чаще, вытянулся во весь рост в манеже, подтянул под голову мягкого зайца, и уснул. Она сидела и любовалась спящим сыном. Тут заглянула Людмила Ивановна и, увидев, спящего ребенка, снова заторопилась выйти. Что-то подозрительное показалось Анне в поведении няни, и она последовала за ней.

Людмила Ивановна держала направление в спальню Виктора и Анны. Проверив там содержимое тумбочек, она принялась за шкаф. Осмотрев все вещи, которые принадлежали когда-то Анне, выбрала понравившуюся ей блузу, свернула её аккуратно и затолкала, расправив, под свой пуловер, закрепив резинкой. Подойдя к туалетному столику, она открыла бархатный футлярчик, и вынула кольцо, которое когда-то подарил Анне Виктор.

Анна никогда не надевала его, так как оно было велико. Ещё когда они только познакомились, Виктор, случайно узнав от вечно болтающей Аниной подруги Галины, подвозя подругу до колледжа, что у Анны день рождения. Вот тогда он наугад и купил понравившееся ему кольцо. Анна не захотела его обменивать, потому, что это был первый подарок в её жизни от любимого человека. Отшучиваясь тем, что когда станет старше, и располнеет, вот тогда его подарок будет в самый раз.

А сейчас она смотрела на няню, которая любуясь, примерила кольцо, а затем спрятала его в чашечку своего бюстгальтера. Её это шокировало и удивило одновременно. Те силы, что до этого были в ней, как вода схлынули и ушли сквозь пол в землю. Вспомнились и бабы Нюрины предупреждения. Анна с трудом заставила себя встать в проём двери, чтобы каким-то образом задержать и напугать няню. Но потом поняла, что затея оказалась глупой, когда та прошла сквозь неё, нисколько не поколебавшись. Анна сползла по стене на пол и горько заплакала.

Успокоившись и собравшись с силами, она еле поднялась, и поплелась в комнату сына. С проёма дверей увидела, как Людмила Ивановна спокойно переодевает Данилу.

– Ах, ты мой хороший, – ласково говорила ему няня. – Сейчас мы наденем тебе сухое, и чистое.

Малыш, кряхтя, лежал на маленьком диванчике, подчиняясь проворным рукам няни. Анна растерялась. За такую заботу она могла простить многое. Обида, боль, бессилие ушли. Остались тепло и благодарность этой женщине.

«Черт попутал, вот и соблазнилась, – думала Анна про няню. – Да и Бог с ней, с кофточкой этой. Кольцо жалко, конечно, ну да ничего. Что ему попусту лежать. Сыну хорошо, а это главное!»

Следующий день начался, как обычно. Рано утром зашла Вера, она с разрешения Виктора, стала готовить ему завтраки и ужины. Он знал, как тяжело сейчас живет многим семьям, поэтому легко согласился, тем более покушать дома, как в былые времена, доставляло ему удовольствие.

Он перекинулся несколькими фразами со Стасом по телефону и сел завтракать. Стас с некоторых пор стал ещё и личным водителем Виктора, из-за маниакального страха за друга. Вера, покормив хозяина, обычно убирала посуду и отправлялась домой до вечера. Но иногда садилась позавтракать с Людмилой Ивановной и, как водится, заводила бабскую беседу. Вот и сегодня, проведив Виктора, она отправилась в комнату няни.

– Людмила Ивановна, вы завтракать будете?

– Да, Вера, спасибо.

Они заглянули в спальню Данилы и, увидев, что малыш крепко спит, отправились на кухню.

– Вот позавтракаю, да Данилке кашу сварю, – заговорила няня.

– Вы просто молодец, Людмила Ивановна! Такая заботливая. Сейчас таких поискать, – похвалила её Вера.

– Да что вы. Обыкновенная, как и все, – смеялась та.

– Через месяц Даниле будет год, вы ещё останетесь? Виктор Владимирович щедрый и добрый. Жалко его, бедного, всё по Аннушке своей тоскует. Молодой, красивый, одним словом, жить надо. Э-эх!

– А Лора? – спросила Людмила Ивановна.

– А что Лора? Лора, ещё та штучка – лиса! – ответила Вера.

– Думаю, что не останусь. Договор истекает, здоровье надо подкрепить. Подкоплю немного ещё денег да на Кипр, на солнышко, – мечтательно произнесла няня.

– Да, здорово! А мне и в жизнь не накопить столько. Что получаем, считай, сразу же и уходит. Хозяйка я плохая, что ли? Ну ладно, мне пора бежать. Своих тоже упредить надо, – убрав и вымыв за собой посуду, она удалилась.

Анну ничего не смутило в их разговоре, и уже забыв о вчерашнем инциденте, она тоже вышла из дома, чтобы проведать бабу Нюру. Обошла всю аллею, заглянула во все места, где могла быть старушка но, ни на любимой скамье и вообще нигде не было её видно. Оставалось ещё одно место, где могла быть баба Нюра и Анна направилась к церкви. Как и полагается возле ворот она остановилась, перекрестилась и с трепетом в душе вошла вовнутрь. Оглядевшись, она и тут не нашла старушки, но сильно испугалась, когда сбоку, какая-то сильно божившаяся женщина произнесла:

– Что, и ты, заблудшая душа, грехи пришла замаливать?

– Вы мне?

– А кому же еще? Тебе, тебе.

– Да я ищу тут...

– Да знаю, знаю я кого, ты ищешь, – перебила женщина. – Иди на Крайнюю, там увидишь, голубой дом стоит. Там она. Хозяйкиному дитя худо сделалось, вот и врачует его. Иди с Богом, а я тут помолюсь, чтобы обошлось всё, уж больно добрые люди в этом доме живут.

– Спасибо, – ответила Анна и выйдя из церкви, пошла, искать Крайнюю улицу.

Вот и голубой дом. Он и впрямь стоял среди других коттеджей, словно воздушный замок. Анна легко прошла сквозь все двери и явилась на шум в гостиной.

– Скорая? Срочно, дочке плохо! Судороги. Сколько лет? Годик. Адрес? Посёлок Лебяжий, Крайняя тринадцать! Срочно! Жду.

Молодая женщина, сильно волнуясь, кричала в трубку телефона. Затем бросив её, тут же побежала в комнату, где находился больной ребенок. Анна бежала следом. Там она увидела стоящую над ребенком бабу Ньюру. Та, манипулируя руками, как шаманка, завывала какие-то заклинания, стараясь помочь малышке. Заметив Анну, и не сбиваясь с набранного ею ритма, она продолжала ритуал, не обращая ни на кого внимания.

Девочка лежала вся синяя, изо рта пузырилась пена, время от времени её скручивали судороги, отчего она издавала ужасные вопли. Женщина то гладила малышку, то хватала её на руки, тем самым затрудняя работу ведуньи, то снова клала в кроватку и выбегала посмотреть, не пришла ли «скорая помощь». Улучив момент, баба Ньюра, быстро стала чертить пальцем что-то на лбу малышки, затем на животе, другой рукой придерживая ножки малышки. Прodelав всё это, она низко нагнулась над ребенком и глубоко вдохнула в себя всю нечисть, что мучила ребенка. Затем метнулась к окну, распахнула его и выдохнула так, что издала глубокий и протяжный вой. Совсем обессиленная, она рухнула на стоящее рядом кресло и закрыла глаза.

Наступила тишина. Только было слышно, как тихо плачет, сидя рядом с дочкой, молодая красивая женщина.

Аня посмотрела в сторону бабы Ньюры. Ей показалось, что та не дышит. Тронув её рукой за плечо, она спросила:

– Баб Ньюр? Как вы? С вами всё в порядке?

Та, медленно открыла глаза, и ими же и ответила.

Анна подошла к кроватке. Синева с лица и тельца ребёнка сошла, сменившись на равномерно розовой окрас. Судороги тоже больше не мучили малышку. Перед ней лежала маленькая красавица, с мокрыми от пота локонами на лбу.

– Дашенька, что же это с тобой такое было? – спрашивала, целуя её и перебирая крохотные пальчики, женщина.

Подъехала «скорая помощь». Врачи, осмотрев девочку, ничего не нашли. Выписав «успокоительное» для мамы и ребенка, уехали.

Для Анны, такое исцеление показалось настоящим чудом. Баба Ньюра сразу поняла это и, не дожидаясь вопроса, сама ответила ей.

– Послеродовой паразит. Думаю, больше он её не будет беспокоить. Я хорошо почистила и защиту малышке поставила. Знаешь, дочка, шла бы ты домой. Не могу даже шевелиться. Все силы потратила. Заночую-ка я здесь, да одним глазком присмотрю за обеими. Уж прости старую. Приходи завтра.

Анна видела, с каким трудом приходилось выговаривать ей каждое слово, поэтому, не перечая, пошла домой.

Ворочаясь в постели, она долго не могла уснуть. До полуночи то и дело прокручивалось в голове: баба Ньюра, девочка с мамой, женщина в церкви. А заснув, ей снилась Людмила Ивановна, которая смеялась, как сумасшедшая, показывая на неё пальцем. Вылетев из сна, Анна села, прижав к себе колени и, долго смотрела на спящего мужа, пока тишина снова не унесла её за границы сна.

10 глава

Месяц пролетел не заметно.

Теперь Анна виделась с бабой Нюрой часто. Каждый раз, гуляя по аллее, они встречали ту самую женщину с девочкой. Эти встречи приносили радость, как старушке, так и Анне. В доме же все готовились ко дню рождения Данилы. Всю организацию праздника взяли на себя Людмила Ивановна и Вера. Виктор, и так балуя сына каждодневными подарками, готовил для малыша свой сюрприз.

И вот настал этот долгожданный для всех день. Анна пригласила бабу Нюру. Приехали родители Виктора. Вера пришла со всеми своими детьми и мужем. Лора со Стасом. Главным украшением стола был, конечно же, торт, а на нём единственная свеча, зажженная Виктором.

– Сынок, дуй на огонёк! – попросил Виктор, сидящего перед тортом ребёнка.

– Дуй, дуй, – слышалось отовсюду.

Данила вертел головой и смотрел на всю празднично одетую толпу. Его взгляд падал то на одного, то на другого, пока не остановился на Анне. Она стояла, молча, глядя на него умиленно-улыбающимися глазами.

Он потянул к ней свои ручки и стал повторять:

– Ма-ма, ма-ма...

– Тише! – скомандовал для всех Виктор. – Мы его напугали.

Он взял сына на руки и зачем-то спросил:

– Где мама, Дан?

– Во! – показывая пальчиком на Анну, произнес малыш.

Повисла тишина. Все молча, смотрели туда, куда показывал ребёнок, удивленно поглядывая друг на друга. Анна решила устранить затянувшуюся паузу.

– Данечка, дуй на огонек и будем смотреть сказку.

Малыш посмотрел на торт с зажженной свечой и потянулся к нему. Виктор, придерживая сына, поднёс его ближе к торту. Данила, издавая радостные возгласы, стал дуть на свечку. Когда же свеча потухла, все радостно зааплодировали. Виктор же, пряча за улыбкой печальную скорбь, резал на кусочки торт и клал всем собравшимся в протянутые для этого блюда.

– А теперь, специально для Дана, мы приготовили сказку! – выпалил сын Веры, мальчик лет десяти. За ним следом поднялись и пошли остальные дети. В комнату въехала ширма, из-за которой появились куклы одна за другой, показывая самую детскую сказку в мире «Репку».

Анна, наблюдавшая за сыном, видела, как Данила с большим интересом смотрел это представление, хлопая и визжа от удовольствия.

– Да, сынок у тебя славный, – сказала ей баба Нюра. – Но вот только стержня ему нет, как в воздухе висит.

– Что это значит? – испугано спросила Анна.

– Да ничего. Семья ему нужна дружная, крепкая и чтобы он влитый в неё был, – помолчав, ответила баба Нюра.

Настроение у Анны упало и она, молча, с понурым видом, стояла и смотрела на всё движение праздника. А праздник был в самом разгаре. Людмила Ивановна, оглядевшись, прошептала Вере:

– Я сейчас. Схожу по нужде и приду.

Извиняясь, она вышла из гостиной. Быстро поднялась наверх, заглянула в спальню Виктора и вошла.

– Дочка, ты мне ни разу не показывала свой дом, – скрипящим голосом проговорила баба Нюра. – Пойдём-ка, милая, развеемся. Погляжу, как ты тут живешь.

Анна, кивнув головой, повела старушку наверх.

– Вот это комната Дана, – показывала она. – А на этом диванчике иногда сплю я, когда что-то беспокоит сына.

– Да. Красиво, – растягивая слова, говорила баба Нюра. – Как в сказке.

– Рядом комната няни, они соединены дверью, чтобы в случае чего быть рядом. А это сюрприз Виктора ко дню рождения Данилы. Раньше это была комната для гостей и соседняя тоже, их соединили, получился такой вот мини спортзал. Видите, тут и снарядики всякие, и мячи, и мини машины, на которых сынок может в любое время кататься, играть.

– Да, хорошо. Только одиноко как-то.

– У него будет много друзей. И есть я, и есть Виктор, – возразила Анна.

– Да-да. Вы все есть, только вот никак не соединены, поэтому все и одиноки.

– Баба Нюра, ну что вы мне душу-то терзаете?

– Не обижайся, дочка, старая, переживаю за вас. Пойдем дальше.

– Напротив детской наша с Виктором спальня.

– Давай-ка посмотрим. Мне кажется, там тоже кому-то интересно.

Пройдя сквозь двери, они увидели Людмилу Ивановну. Она быстро, скидывала из тумбочки в пакет то, что считала ценным.

– Говорила я тебе, дочка, крыса у вас завелась. Ну что, надо исправлять положение.

– Она сегодня работает последний день, – зачем-то сказала ей Анна.

– Тем более!

Баба Нюра подошла к няне и толкнула рукой в спину. Как ошпаренная кипятком, Людмила Ивановна быстро обернулась и стала со страхом шарить глазами по помещению. Убедившись, что ей всё это показалось, она подошла к туалетному столику, выдвинула дрожащими руками, ящик и взяла оттуда горсть украшений. Только она хотела это всё кинуть в пакет, как получила удар по заднице. Всё, что было у неё в руке, с шумом разлетелось по всему полу.

– Страшно, да? – спрашивала её баба Нюра. – А вот сейчас будет вообще не по себе.

Она взялась руками за столик и стала его трясти.

– Чего стоишь? Помогай! Тебя же грабят, – съязвила она в сторону Анны.

Та, растерянно наблюдавшая за происходящим, зачем-то побежала к бабе Нюре и тоже стала трясти стол.

– А сама придумать ничего не можешь?

Только тут Аня сообразила, что надо делать. Она преградила дорогу к выходу и, что есть силы, толкнула выбегающую няню в грудь. Упав, Людмила Ивановна завопила так, что Анне стало её по-настоящему жалко.

– Баб Нюра, пусть она идёт. Хватит! Она уже натерпелась страха, что на всю жизнь ей хватит.

– Нет, дочка. Проводить её надо как следует, а то никаких выводов для себя не сделает. Отучить от воровства поганку надо. А то ишь ты!

Подойдя к шкафу, старушка стала открывать и закрывать дверки.

– Беги, что есть сил, беги и не возвращайся! Не укради, милая, не укради, – приговаривала баба Нюра, махая перед няниным лицом шарфом, который она достала из шкафа.

С воплями ужаса Людмила Ивановна пустилась вниз по лестнице, постоянно спотыкаясь и сваливаясь на перила. Не замечая никого вокруг, прижимая руку к голове, словно защищаясь от кого-то, она пронеслась мимо всех собравшихся гостей и выбежала на улицу.

Все оцепенели.

Виктор и охранник кинулись за ней. Догнав, Виктор, цепляясь за неё рукой, взволнованно спросил:

– Погодите же! Что случилось, Людмила Ивановна?

– Там... там... там... – больше ничего не говоря, повторяла няня, показывая рукой на окна спальни.

– Проверь, – кинул он охраннику. – Что там? – спросил он у неё.

– Не знаю, – выдавила она из себя. – Мне надо идти, мне очень надо идти, – твердила она с вытаращенными полусумасшедшими глазами.

Тут баба Нюра, чтобы та, дай Бог, та не вернулась в дом от жалости к ней Виктора, подошла и ещё раз своей старушечьей рукой, что есть силы, дала ей под зад.

– Выпустите меня! – подскочив, Людмила Ивановна с диким криком стала, ломилась в ворота. – Выпустите, меня! Слышите, выпустите!

И тут её прорвало.

– Жирные, богатые ублюдки. Всю жизнь работаю на вас и ваших маленьких гадёнышей. Ненавижу!.. Выпустите меня!..

Она билась в истерике.

– Выпусти, – спокойно сказал Виктор, вернувшемуся охраннику. Он повернулся к ней спиной, и пошёл в дом.

– Что это было? – позже спросил он у подошедшего к нему охранника. Тот только пожал плечами.

– Виктор Владимирович, пойдёмте со мной наверх.

Подойдя к сыну, Виктор нежно по-отцовски, поцеловал его в голову. Попросив Стаса продолжить праздник, он поднялся с охранником в спальню.

– Прости, дочка, испортила праздник, – виновато произнесла баба Нюра, обращаясь к понуро стоящей Анне. – Славный у тебя малыш. Не заслужил он этого, да и няни такой не заслужил. Иди к нему, а то он опять один. И если можешь, прости меня!

11 глава

Прошло два года.

Данила, общаясь с Аней, научился хорошо говорить. После того дня рождения, через агентство нашли няню.

Няня, оказалась набожной девушкой, каждое воскресенье, ходившая на молебен в церковь. Ласковая, но молчаливая, запрятавшая внутри себя какой-то тяжкий груз, отчего лицо её всегда казалось печальным. Не смотря на это, Данила любил её.

– Бедная моя Маша, тебе надо улыбаться, – говорил малыш, щедро обнимая няню. Та, отвечала улыбкой доброму мальчугану.

Павел был очень редким гостем. Но когда приходил, Данила светился весь от радости. Свою мать, Анна видела всего два раза и то, когда той нужны были срочно деньги. Она ухитрялась уговорить Виктора так, что тот ей давал немалые суммы без отдачи. В этом у неё был талант, думала о матери Анна.

Баба Нюра всё так же помогала больным, а вечерами заходила поболтать к Анне.

Ну вот, пожалуй, с сегодняшнего дня, всё и началось.

Настроение у Ани было отличное, у сына тоже и они решили поиграть. Да поиграть так, что со стороны обычного человека, можно было подумать, что в комнате происходит нечто магическое. Всё кругом само летало, скакало, прыгало. Данила звонко смеялся и принимал непосредственное в этом участие.

Маша стояла в дверном проёме, держа в одной руке стакан сока, в другой тарелку с булочками для малыша, и смотрела на всё это действие с ужасом. Только тогда заметили её Анна и Данила, когда услышали звон бокала и падающую в обморок Машу. Анне не удалось привести в чувства няню. Обморок оказался таким глубоким, что напугал Анну.

– Сынок, звони! Машу надо в больницу! Срочно! Повторяй за мной...

В больнице на все уговоры Виктора остаться няней, Маша давала отрицательный ответ.

– Нет, Виктор Владимирович. Я в Бога верю, а ваш сын от Дьявола. Простите! Не приезжайте ко мне больше. Денег мне не надо, не возьму.

– Да что это такое! – выругался Виктор, выходя из больницы. Садясь в машину, он обратился к ждущему его за рулём другу: – Ну, ты ответь, что это такое? Что она такое несёт? От дьявола. Капец! Стас, опять я без няни.

Анна долго переживала из-за случившегося, но что баба Нюра ей спокойно сказала:

– На всё воля Божья!

На следующий день Виктор сделал себе выходной и посвятил его сыну. Первым делом они отправились в зоопарк, затем в кофе «мороженное». Анна всюду следовала за ними, светясь от радости и счастья.

– Устал, Данилка? Нет? Поедем домой? Нет? На карусели? Ладно! Идет! Поехали.

Он усадил сына на заднее сиденье, и они двинулись в сторону парка. В машине ребенка разморило, и он уснул. Виктор свернул и встал под тень большого ветвистого клёна. Набрав номер Стаса, попросил его подъехать к ним на какое-то время.

– Стас, у меня тут Данька уснул, – сказал он подъехавшему другу. – Побудь с ним, а я быстро в офис и обратно. Возьму работу на дом. Няню не подыскал? Ладно, давай ключи от своей. Садись и карауль, как зеницу ока.

– Лети, голубок, – с иронией ответил Стас.

Он, развалившись на переднем сиденье, внимательно стал наблюдать за прохожими. Ему было интересно, до какой степени все люди были разные. И как только Бог умудрился вылепить столь разные лица, походки, одежду...

– А где папа? – услышал он у себя за спиной, сонный голос.

– Привет, Данька. Я твоя временная папа, – протягивая руку малышу, поздоровался Стас.

– Понял, – ответил он. – Папа пака занят.

– Соображаешь. Ну, а мы, что с тобой будем делать?

– Я сильно хочу пить. Мне жарко.

– Ладно. Выходи. Маленько прогуляемся. Ты, не против?

– Нет, – кряхтя, вылезая из машины, ответил Данила.

Они подошли к ближайшему от них ларьку.

– Девушка, две бутылочки «Спрайта». Одну, если можно холодненькую, – любезно говорил с продавщицей Стас.

– Конечно, – улыбалась в ответ ему девушка. Она прошла вовнутрь ларька, где стоял холодильник, и вернулась обратно, держа в руках две оранжевых бутылки. – С вас тридцать.

– Данила! Племянш! Здравствуй, мой хороший. Вот так встреча! Здравствуйте, Стас. Мне сегодня везет на родных, – говорил неожиданно появившийся Павел. Он был немного пьян и от этого казался возбужденным. – Мать вот встретил, а я её уже несколько месяцев не видел. Теперь вот вас. Как дела, племянш?

– Хорошо, – протяжно ответил Данила.

– Это здорово, что хорошо. Мы с тобой давно не виделись. Нехорошо, дядька без подарка. Стас, вы не могли бы пустить Данилку со мной, тут рядом.

– Не обижайся, Павел, не могу. Мне Виктор велел охранять его, как зеницу ока. Сам понимаешь.

– Да, да. Конечно. Но подождать-то вы можете? Когда я ещё увижу его.

– Вон машина Виктора, мы будем там.

– Я сейчас, подождите, только не уезжайте. Я сейчас, – просил уходящий Павел. Он пересёк дорогу, и слился с прохожими, пропав в потоке людей.

Павел чуть ли не бегом вошел внутрь большого магазина.

«Должен же здесь быть отдел игрушек?» – лихорадочно думал он, осматриваясь по сторонам.

В самой середине длинного помещения, в углублении, стояли дети с мамами. Павел подошёл ближе и стал подыскивать взглядом ту игрушку, которая сказала бы ему – это то, что ты хотел. Он всегда так выбирал и попадал в точку. Все подарки, подаренные Павлом, были самыми любимыми у Данилы. Какая-то невидимая ниточка связи тянулась от дяди к племяннику, через эти игрушки. Сейчас его взгляд остановился на огромном плюшевом медведе. Ему показалось, что тот смотрит на него живыми, а вовсе не стеклянными пуговичными глазами. Только вот взгляд почему-то показался Павлу, был какой-то грустный.

– Хватит тебе тут сидеть. Пойдем! Нас ждет малыш. И думаю, он будет тебя любить. Вы подружитесь. Обязательно подружитесь! – говорил медведю Павел.

– Извините, вы что-то хотели? – спросила его молоденькая девушка-продавец.

– Да. Вот этот симпатяга сейчас пойдет со мной, к очень хорошему мальчику.

Она сняла с высокой полки, сидящего в углу медведя, и усадила на прилавок.

– Это сыну моей сестры, – сказал ей Павел. – Она умерла при родах, а вот Данька такой славный!.. Это ему.

– Знаете, родные отцы, не все конечно, но многие, о своих детях так не пекутся. Вы, наверное, сильно любили сестру? Извините, – ей стало неудобно за вопрос.

– Ничего-ничего. Да, любил. У меня никого кроме неё и не было. Вот и сейчас один. Хорошо, что племянник есть.

Расплатившись, он взял под мышку медведя и пошёл к выходу. Девушка грустно смотрела ему в след.

На выходе стоял мужчина, в руках которого было множество ниточек, на которых висели в воздухе шары – это были сердечки, зверюшки... Сам мужчина был одет в костюм клоуна и разыгрывал целое представление, зазывая покупать его счастливые воздушные шарики.

Проходя мимо, Павел почувствовал, как кто-то тянет его за рубашку. Он обернулся. Клоун, улыбаясь, протягивал ему воздушное сердце. Умоляя гримасой взять шар. Павел не стал думать, достал из кармана деньги, и протянул их клоуну.

– Это твоё большое доброе сердце, – сказал ему клоун. – Береги его!

Подойдя к дороге, он привязал шар к лапе медведя. Так, ему показалось, будет правильнее. И тут он увидел, как к машине Виктора подъехала другая машина. Стас пересел в свою, и уехал. Павел забеспокоился, что не успеет и побежал. Машины, подъезжающие ближе, сигналили и с визгом притормаживали. Добежав до обочины, шар на лапе медведя отвязался и полетел.

– Шарик! Дядя Паша, шарик! – кричал из окна машины Данила.

– Я сейчас! – Павел резко метнулся назад, посадив медведя на обочину тротуара. Данила открыл дверцу, слез и побежал к медведю.

– Данька, стой, куда! – испугавшись за сына, бежал следом Виктор.

Анна, тоже подбежав к сыну, стала его отчитывать.

– Нельзя так, Данечка, пугать нас с папой, видишь, сколько машин.

– Я только к Мише. Мама, не ругай меня, – виновато говорил ей Данила.

Виктор огляделся, посмотрел на сына, который последнее время часто озадачивал его, разговаривая с воображаемой матерью. На вопрос, с кем тот говорит, Данила всегда отвечал, – с мамой. Может, его сын болен? – думал он. Ведь малыш видел, что у других детей есть мамы, а у него нет. Но Данила упорно повторял отцу, что у него есть мама и она всегда рядом. Вот и сейчас он смотрел на сына, как тот разговаривает с чем-то невидимым и это его пугало.

В это время Павел перебежками между машин бежал за ярко-красным шаром. И тут на полном ходу одна из машин с такой силой ударила по телу Павла, что было слышно сквозь гул и сигналы, удар и хруст костей. Тело отбросило так, что Данила спрятался за большого медведя, вцепившись в него своими маленькими ручками. Виктор в оцепенении замер. Его глаза провожали сбившую Павла машину. Что это было, совпадение или наваждение? Как в замедленной съёмке уезжала прочь та самая машина, что когда-то везла его будущую жену с подружкой в город. Её номер врезался в память, как самый худший кадр в его жизни – «В 666 АД»

«Этого не может быть!?! – думал Виктор. – Не может быть!»

Анна кинулась к брату. Что творилось в её душе, объяснить было просто невозможно – это сочетание ужаса, страха и неверия. Она хотела кричать, но голос пропал, и получалось хрипло и глухо:

– Паша! Паша! Паша!

12 глава

Собралась толпа зевак. Кто-то остановил свои автомобили и с любопытством наблюдал случившееся из окна, а кто-то просто стоял у дверцы. Из стоящего неподалёку ларька, словно прорицание, на всю округу разносились слова песни Кати Лель: «Долетай, до седьмого неба...»

Анна бежала к брату, раздвигая руками толпу, от чего те не понимая, шарахались в стороны. Павел лежал на боку и был похож, скорее, на спящего, чем на мёртвого человека.

Один из водителей, вызывал «скорую помощь» и полицию, уточняя координаты аварии.
– Посмотрите, он живой? – кричали из толпы.

Молоденькая девушка протиснулась сквозь собравшихся вокруг людей и подошла к Павлу, присела на корточки, и стала прощупывать пульс.

– Я медсестра, – пояснила она всем. Отрицательно качая головой, она, молча, отошла в сторону.

Здесь Анна увидела, как брат начал вставать. Лежащее на асфальте тело раздвоилось и он, с трудом оторвав себя от него, встал. Ничего не понимая, и осматриваясь вокруг, Павел встретился с взглядом сестры. Она медленно шла к нему, боясь испугать. Заметив на лице брата недоумение, она тихо сказала:

– Паш, это я, Аня... Не бойся... Что же ты наделал, братишка... Как же это?

– Ань, ты?.. Я не понимаю. Ты жива?.. Почему здесь много людей? – он развернулся и увидел лежащего мужчину. – Подожди, он мне кажется знаком, – и после тяжелой для Анны паузы произнес. – Он сильно похож на меня. Не находишь?

Анна, молча, смотрела на брата, а по щекам текли слёзы.

– Ань, ты чего? Сестрёнка, не плач. Вот он я, жив и здоров. И ты, слава Богу, тоже. Давай пойдём куда-нибудь посидим, и ты мне всё расскажешь. Ах да, я же Даньке твоему подарок купил... Медведя. А вот сердце улетело. Да, жаль. Аня, они с Виктором вон там должны ждать меня, пойдём, – взяв за руку Анну, потащил брат. – У тебя такой славный пацан... Почему ты не с ним?.. Не понимаю...

– Паша, остановись. Паша!.. Там... Ты. Понимаешь? Тебя сбила машина.

Он заулыбался.

– Угу, а это всё мне снится? И ты мне снишься, да?

– Я тоже сначала не верила. Такой ужас со мной творился. Никто тебя не видит, не слышит. Ходишь, как приведение. Туда меня почему-то ещё не взяли. Не пора, значит. Хотя приходил ко мне папа.

– Папа? – удивился Павел.

– Да. Мама нас много лет обманывала. Мы с тобой думали, что он не любил нас, не заботился, а на самом деле и любил, и заботился, и умер. Только мы этого не знали. Думаю, вы встретитесь, поговорите.

Подъехала карета «скорой помощи» и полиция. Начался опрос свидетелей. И когда один из свидетелей, грузный мужчина, прошёл сквозь стоящего Павла, ему стало не по себе.

– Ни фиги себе! Да он через меня прошёл! Ань, ты видела? Ну, ни фиги, себе! Да я сейчас пойду, скажу, что жив, здоров, вот типа я. Морду ему набью. Тьфу ты, – плюнув в сторону, выругался Павел.

Анна услышала знакомое «Пора-а-а...»

– Паша, милый, это за тобой, – обнимая, ревя и целуя брата, прощаясь, шептала Анна.

– Куда пора? Ань, не плачь, всё хорошо. Мы же с тобой ни о чём ещё толком не поговорили... Бабуля? – удивленно, смотрел он на старушку, шедшую к ним.

Переглянувшись, брат и сестра заметили, как резко настала мёртвая тишина. Словно всех присутствующих отгородило от них прозрачным куполом, и вокруг крутилось немое беззвучное кино.

Старушка подошла ближе.

– Здравствуй, Аннушка! Здравствуй, милая! – прижимая к себе внучку, заговорила бабушка.

– Здравствуй, бабуля! – обнимая старушку и утирая ещё идущие слёзы, вымолвила внучка.

– Паша, внучек, я за тобой... – обратилась она к внуку. – С Аннушкой мы ещё увидимся. Позже.

– Я рад тебя видеть, но... ответь, почему? – спросил бабушку Павел.

– Надо идти. Пойдем внучек. Нас ждут. Там всё и узнаешь, да и увидишь. Пойдем, я баньку натопила, помоешься, попаришься, отдохнешь. Знаю, жил ты здесь шибко тяжело... Отец уже ждёт.

– А как же суд Божий? – с сарказмом спросил Павел.

– И суд, и всё остальное будет. Пойдем, внучек... там всё узнаешь. До скорого, Аннушка, береги мужа и сына.

Взяв под локоть внука, и опираясь другой рукой на свою любимую клюку, они пошли по световой дорожке, которая образовалась коридором между мирами. Как только они скрылись из вида, опять стало шумно. «Скорая помощь» увозила тело Паши. Теперь Анна попрощалась и с ним. Народ медленно расходился, машины разъезжались.

Виктор, усадив сына с огромным медведем на заднее сиденье, сел за руль и мысленно погрузился во всё то, что только произошло. Анна сидела рядом, и её состояние ничем не отличалось от состояния мужа.

Похороны прошли тихо и быстро. Виктор взял всю организацию похорон на себя.

Надежда Васильевна всё время причитала, что осталась одна и теперь никому не нужна.

Виктор решил предложить ей:

– Надежда Васильевна, простите, наверное, не вовремя говорю это, но вы не одна, есть внук и я тоже. Может, нам встречаться надо почаще?

– Да, конечно, – вяло кивнув головой, ответила мать Анны.

– У Дани сейчас нет няни, да ещё всё произошло на его глазах, хорошо было бы ему общаться с родным, а не чужим человеком.

– Я бы рада, но... жить на что? Я же подрабатываю, чтобы не умереть с голоду, – театрально надев мученическую маску на лицо, сказала Надежда Васильевна. – Даже не знаю...

– Об этом не беспокойтесь. Вы не обидитесь, если я буду вам платить, как няне? Я всё равно бы нанял няню для сына. Насчет продуктов никаких проблем. Всё, что надо я буду привозить. Мне неловко предлагать вам и просить вас... Работа у меня стоит и необходимо...

– Да, конечно, – перебила его Надежда Васильевна. – Не извиняйся, зятек. Я согласна. Поживу тут у тебя, можно?

– Комната рядом со спальней Данилы ваша.

– Хорошо, я завтра же перееду. Только к вечеру. Надо уладить свои дела.

Свою квартиру Надежда Васильевна сразу же сдала в аренду, посетив утром одно крупное агентство. Все ценности и наличность, что имелись в квартире, она положила в ячейку банка. Собрав две дорожные сумки вещей, поехала в Лебяжий.

Анна радовалась. Ей было хорошо от того, что её Данилка будет общаться с родной бабушкой. Она верила, что её мать непременно его полюбит и всю ту любовь и заботу, что

не дала им с братом, теперь получит внук, единственный родной человечек, оставшийся у неё на земле.

– Ну, здравствуй, внучек, – приветствовала Надежда Васильевна внука.

Она прошлась по детской комнате, всё осмотрела. Заглянула в комнату, где будет жить сама. Данила, молча, наблюдал за бабушкой. Его лицо было не по-детски серьёзно.

– Данечка, это твоя бабушка, её надо любить. Понимаешь? – объясняла, сидя рядом с ним, Анна.

– Ну, что ж, внучек, живёте вы тут неплохо. Займёмся делом? Что мне тут ваша Вера наговорила? Ах да, завтрак. Ну, что ж играй тут, если что, зови бабушку, в общем, меня зови. Ладно, малыш? Ты уже большой парень, думаю, один тут сможешь поиграть. Никуда не ходи.

Закрыв за собой дверь, она отправилась на кухню, напевая себе под нос весёлую песенку. Заглянув во все шкафчики, столы и холодильники, проворно начала готовить завтрак себе и внуку.

Анна, целый день наблюдавшая за матерью, облегченно выдыхала. Сын был вовремя накормлен, бабушка была всегда рядом, когда малыш играл и гулял в саду. Она была наконец-то счастлива за долгое, долгое время. Только грустные мысли о брате ей не давали покоя. После всего увиденного, она не могла идти к нему на могилу, Ей казалось, что это место пустое и там нет и следа её брата. Она ждала чуда, что вот он войдет и скажет: вот и я... Теперь, глядя на мать, ей было легче нести бремя утраты. С бабой Нюрой они тоже давно не виделись. И Анна решила, что непременно завтра навестит свою старую подругу.

13 глава

– Здравствуй, дочка! – приветствовала, сидя на ступенях церкви, баба Нюра. – Вижу, дела на сегодня у тебя лучше, нежели, чем вчера.

Аня присела рядом. Не перебивая, она внимательно слушала каждое сказанное слово старушкой.

– Жалко мне тебя, милая, ох как жалко. Много на душу страданий тебе выпадает, и на этот раз гляди в оба.

– Баба Нюра, ну что ж вы меня так пугаете. Побегу я, а то мне после ваших слов страшно становится.

В Анне разыгралась обида за такой гостеприимный приём старушки. Она встала и собралась уже уходить, как услышала за спиной всё тот же скрипучий голос:

– Зря, дочка, обиделась. Вернись и сядь рядом. Слышала я и о твоём горе и о том, что сердце твоё теперь радуется о матери твоей.

– Да, это правда. Но откуда вы...

– Мир не без добрых людей, – сразу ответила она на незаконченный вопрос. – Спасибо, что не забываешь старую.

– Баба Нюра, скажите, чего ждать, что должно случиться?

– Да откуда же я знаю? Чувствую вот и всё. Это как ниоткуда, знаешь и всё. Сама хоть и не верю в это, но ещё, ни разу не подводило. Давай-ка расскажи, как у тебя дела, – и видя, как Анна начала нервничать, баба Нюра предложила: – Давай, дочка, прогуляемся.

Они шли по аллее. Золотые листья осени кружились и тихо падали на землю.

– Сегодня тепло, – продолжала баба Нюра. – А вчера в доме, в котором я ночевала, хозяйка топила печь. Люблю, когда топится печь, тепло, уютно, повсюду играют блики и трещат дрова. Не правда ли, хорошо?

– Да, – со вздохом ответила Анна.

– Может, я, дочка, и не права насчет твоей матери. Дай-то Бог! Я буду молить о защите. Что-то я стала уставать, уж пришли бы за мной скорее. Ох, как же я устала.

Она повалилась на ближайшую скамью.

– Смотри-ка, а вот и старые знакомые.

На краю скамьи сидела молодая женщина. Рядом, поднимая листья ножками, звонко смеясь, бегала маленькая девочка.

– Мама, смотри, как я быстро бегаю! – радостно кричала малышка.

– Дашенька, смотри, аккуратно. Не упади!

Тут девочка обо что-то споткнулась и упала.

– Даша! – подбежала к ней мать. – Ты ушиблась?

– Мама, я сама. Ну что ты так переживаешь, я уже большая. Я просто упала. Ты знаешь, что все люди падают, – было интересно слушать, что говорит эта совсем ещё маленькая трёхлетняя девочка.

– Да, знаю, милая. Но многие падают неудачно. Вот поэтому я беспокоюсь, – объясняла ей женщина.

– Да я знаю, – протяжно сказала Даша.

– Не обидишься, если я тебе кое-чего скажу? – вдруг повернувшись к Анне, спросила баба Нюра. – Нас с тобой к живым уже не вернуть, а живые должны жить с живыми. И как больно тебе ни было бы, надо твоему Виктору жену хорошую, добрую. А не приходяще уходящую. Рано или поздно за нами всё равно придут, а вот они все здесь останутся. Вот эта молодая женщина, Катя её зовут, самый лучший и надежный тыл, какой бы остался после твоего ухода. Подумай, дочка. Погорюй и подумай. Баба Нюра зря не скажет.

Анна смотрела на Катю. С одной стороны, она ею любовалась, с другой ревностно тормозила ход всех своих мыслей. Боролись в ней все за и против. Сама мысль о том, что Виктор станет жить с другой женщиной, ей была невыносима.

– Я подумаю, – ответила она. – А что вы их можете свести?

– Можно попробовать, – ответила баба Нюра.

– Я подумаю.

– Думай, думай, дочка. Пойдем, проводишь меня. Да, устала, – бубнила себе под нос баба Нюра. – Это всё осень. Хандра, осенняя хандра.

Анна шла, молча, временами думая о своём и в то же время, слушая размеренную речь бабы Нюры. Ей было интересно общаться с этим человеком. Эта старая женщина хранила в себе потрясающе богатый и необычный жизненный опыт.

– Знаешь, дочка, вот молюсь я в церкви, слёзно прошу Бога, чтобы пожалел меня, чтобы меня мои родные простили, а видно, нет мне прощения... Плачу, дочку зову, чтобы пришла и увела меня к ним. А она не слышит... Устала... Много дум приходится думать, много видеть. Видеть, как люди вязнут в грехах и Бога не боятся. Как нашу землю-Матушку загадили делами своими. Власть, деньги, тщеславие – вот и все желания у человечества. А жаль... Добро-то оно есть, только вот тяжело ему. Ты только посмотри, видишь, вон в огороде женщина работает. Красота! Я только сейчас это понимать начала. Пойми раньше, может, и жизнь по-другому бы сложилась. Она, может, и сама не понимает, какая счастливая, завидует, небось, тем, кто вот в тех особняках живет, ну вот как ты. А что им завидовать, скучная лишенная смысла жизнь. Не обижайся. А вот она придет домой, затопит печь, а у неё она русская, что уж вообще редкостью стала. Затопит, хлеб поставит шесток да в печь, да жарёху какую на плиту... Дух русский валит, занюхаешься. Счастьем пахнет. Всё ладно, без суеты, вот оно счастье, пока какая-нибудь бестия не притащится, да начнет эту душу то ломать. Деревень-то путём не стало, богатство не тем концом меряют. А ты знаешь, не уважаю я правителя нашего – земли русской не стало и людей русских тоже. Чужеземцев в страну пустил, и народ свой заспал. Ох, как обидно дочка, обидно. Во имя себя строят, не во имя Бога. А Бог есть благо для всех. Да, что-то я тут вот разговорилась, пойду, погощу у этой женщины. Вечерами там хорошо. Сяду в уголок да думку думаю вместе с хозяевами, они за столом-то много о наболевшем разговаривают, а когда и просто от души посмеяться могут. Заслушаешься.

– Может, ко мне, баба Нюра? – предложила Анна.

– Ты моя хорошая, не обижайся на старую, добрая ты, нравишься мне, но уютнее себя вот среди таких простых людей чувствую. Приду к тебе, обязательно. Да и ты меня не забывай.

Домой Анна возвращалась с полной головой мысли. Сегодня, как никогда, она, молча, внимательно наблюдала за мужем. Пообщавшись с сыном, он удалился к себе в кабинет и долго, почти не шевелясь, сидел за своим письменным столом. Его грустный взгляд был сфокусирован внутрь себя. О чём он думал? Об одиночестве, поселившемся в его сердце, о радости, которая ушла вместе с Аннушкой, о сыне, который женщину знает только в качестве няни. Сейчас вселилась в него маленькая надежда, что Данила наконец-то будет общаться с родным ему человеком – бабушкой. И он сможет спокойно работать. Работать много, чтобы их сын не нуждался ни в чём, чтобы у него было всё. Хотя в глубине души он считал, что в чём-то неправ, что деньги не заменят воспитание и любовь, но... без них никак. И в то же время самому надо что-то осознать такое, что направит его жизнь в нужное русло.

Анна тоже радовалась общению бабушки и внука до того дня, когда их порог дома переступила странная женщина.

– Ритуля! – с возгласом приветствуя, кинулась к ней Надежда Васильевна. – Ты откуда? Как ты меня нашла?

Они обнимали и целовали друг друга, как давно не видевшиеся очень близкие подруги.

– Проходи! Пошли я напою тебя чаем. Расскажешь, что за дела привели тебя ко мне. Я же знаю, что твоё появление всегда пахнет деньгами. Ты, милая, всегда приносишь мне удачу, – говорила радостно Надежда Васильевна. Та в ответ только довольно улыбалась. – Подожди немного. Загляну к внуку. Садись удобнее, я сейчас, – и она скрылась за дверью.

Анна никогда не видела этой женщины, наверное, за время их отдельной жизни с матерью, у той появилась подруга.

– Ну, вот и я. Мой внук играет с детьми приходящей домработницы, поэтому мы с тобой спокойно попьём чайку и поговорим. Как ты меня нашла?

– Через агентство по недвижимости, там сообщили твои координаты. Сама понимаешь, за денюшку, – улыбалась Ритуля.

– Ах, так. Наверное, что-то очень серьёзное привело тебя ко мне, я права?

– Надь, сядь. Не суетись. Я и впрямь к тебе по делу. Оно очень выгодное и для тебя и для меня. Сразу говорю, тебе деньги, а это ни много ни мало пятьдесят тысяч зелеными, а мне выезд за границу за счет плательщика.

– Ты, Ритуля, наверное, шутишь? За что можно отвалить столько денег? Надо кого-то убить? – засмеялась Надежда Васильевна.

– Ну, что ты! Типун тебе на язык! Давай только спокойно и молча выслушай меня, без лишних эмоций, а там сама решай. Так вот. Одна очень даже не бедненькая пара, иностранцы, попали в сложную ситуацию. У них много лет не было детей, если конкретно, то двадцать лет, и тут случилось чудо, она забеременела, родила сына. Они в нём души не чают. Всё бы хорошо, да ребенок серьезно болен оказался. Сейчас ему 3 года. И ему нужен особый донор. Слышишь, особый донор. Это твой внук.

– Мой внук? Что детей мало?

– Понимаешь, донором может быть ребенок с той же группой крови. А у того ребёнка настолько редко встречающаяся группа крови, одна на много десятков тысяч... Четвертая с отрицательным резусом... Что пришлось попытеть, поискать. Им оказался, как не странно твой внук.

– И как же ты вычислила моего внука?

– Да это не я. Это моя племянница. А иностранцы её знакомые. И внука твоего нашла она. Ты не представляешь, сколько поликлиник она обошла, сколько денег выложила, чтобы был доступ ко всем медицинским картам. И вот теперь, найдя его, она не отступится.

– Так ты вовсе и не меня искала? Просто выбор пал на моего внука? – обиженно спросила Надежда Васильевна.

– Да. Не искала тебя. Но ты не представляешь моё удивления, когда я узнала, что этот мальчик твой внук. Да вдобавок ещё, ты близко к нему находишься. Не люблю я, правда, таких совпадений, но тут ничего не поделаешь. Впрочем, всему своё время и тебя удивлю не меньше. Но ты не дала ещё своего согласия.

– Что-то ты, Ритуля, загадками разговариваешь? Темнишь подруга.

– Вот мой телефон, – протягивая клочок бумаги, сказала Маргарита. – Жду ровно три дня. Подумай, Надя, пятьдесят тысяч на дороге не валяются. Сильно-то не навредишь, зато озолотишься. Спасибо за чай!

Закрыв за женщиной дверь, Надежда Васильевна ещё долго сидела за столом на кухне и думала.

14 глава

Анна была настолько потрясена и растеряна, что, уже нисколько не раздумывая, отправилась тут же к бабе Нюре. В этот раз ей не пришлось искать старушку, та сама шла навстречу по аллее.

– Баба Нюра! – с ходу отчаянно начала Анна. – Баба Нюра, у меня горе!

– Тихо! Что случилось? Давай по порядку.

Анна рассказала о неприятном визите черной дамы.

– Твоя мать дала ответ? – спросила старушка.

– Нет ещё. Но даже если она и откажется, то кто такая эта племянница, что не отступится? Баба Нюра, я боюсь. Я не знаю, что делать. Помогите!

– Значит так, дочка, ситуация у нас с тобой сложная.

– У нас? – перебила Анна.

– Да, дочка. Тебе ещё повезло, что ты так быстро нашла меня. На самом деле я вышла размять свои косточки и обратно. Обратно к больному ребенку. С тобой я не могу идти. Не сердись. Ребенок тот очень болен и если я уйду, то он умрет. Говоришь, дали срок три дня? Я постараюсь управиться быстро, но я не Бог, как всё решится, не знаю. Тебе совет, будь предельно внимательна. Ты много уже умеешь и сама. Ты мать! Защити своего ребенка. Разве я могу находиться всегда рядом? Ты, дочка, сама справишься. Это я тебе говорю. Беги домой! И запомни! Что бы быть сильной, нельзя плакать. Слышишь? Нельзя плакать! У тебя всё получится. Беги!

Анна, оглядываясь на бабу Нюру, пошла прочь. Затем ускоряя шаг, быстрее и быстрее, побежала в сторону своего дома.

Эти три дня были тягостными не только для Анны, но и для Надежды Васильевны. Она лишилась аппетита, нервы были натянуты, мысли отвлекали от обязанностей. Постоянные срывы на внука стали нормой. Она не могла понять, то ли успела полюбить этого мальчика, то ли начала искать в нём все качества, которые были бы чужды ей и раздражали.

Анна не знала, как себя вести, как реагировать на ужасные слова, которые вырывались из уст матери в адрес сына. Она надеялась, что всё решится в пользу малыша и вся нервная обстановка исчезнет, как только истечёт данный срок.

И вот он, этот злополучный звонок. Надежда Васильевна дрожащими руками развернула бумажку, набрала номер и замерла.

– Ритуля, это я.

– Здравствуй, Наденька! Рада тебя слышать. Что скажешь? Решила?

– Да... – выдохнув, ответила Надежда Васильевна.

– Что? Мама! Ты, наверное, сошла с ума! – закричала Анна.

– Да, я согласна, – ещё раз повторила Надежда Васильевна.

– Хорошо. Как только подготовим нужные документы, я или моя племянница всё расскажем, что, когда и как. Не передумаешь?

– Нет!

– Ну, что ты такое говоришь, – возмущаясь, Анна бегала вокруг матери, отчетливо слыша голос на другом конце провода. – Что ты такое говоришь? Как же не совестно, мама! Господи! Ты же всем нам жизнь могильную устроила. Мама, сына моего пожалей. Он же у тебя один остался, – кричала Анна. Она зажала ладонями лицо и взхлеб расплакалась.

Надежда Васильевна отправилась с внуком на прогулку. День выдался хороший. Данила после трех дней нападок бабушки стал молчаливым и мрачным, но это нисколько не тяготило находящуюся рядом с ним бабушку.

– Иди, покатайся, – буркнула ему Надежда Васильевна. – За ограждения чтобы не выходил. Если выйдешь, получишь по заднице. Я сейчас приду.

Оставив Данилу одного с детским трехколесным велосипедом, она ушла в дом.

– Данилка, не грусти сынок, – взбадривала сына Анна. Он молчал. – Давай прогуляемся?

Она шла, и он шёл рядом. За эти три дня он заметно повзрослел и Анна винила себя за это. За то, что не смогла защищать сына, за то, что не знала, что ждёт их впереди.

– Мама, смотри, мальчик гуляет один, – услышали они детский голос из-за красивой резной ограды. – А ты мне не разрешаешь гулять одной, даже дома. Мальчик, мальчик! Иди сюда! Как тебя зовут? – кричала девочка Даниле, просунув часть лица в узорчатое отверстие. – Меня зовут Даша.

Данила стоял и смотрел на неё грустными глазами.

– Ты что, не умеешь разговаривать? – спросила его Даша.

– Малыш, у тебя всё хорошо? – Катя, догнав дочку, увидела Данилу. – Почему ты один?

– Я не один, – ответил ей Данила.

– Мальчик, давай с тобой вместе играть, – предложила Даша.

– Мне нельзя за ограду.

– Малыш, тебя как зовут? – спросила Катя. Ей показалось, что всё-таки что-то с малышом не так.

– Данила.

– Где твоя мама? – спросила она.

– Мама здесь рядом.

Катя оглядела вокруг всю территорию, но никого не увидела.

– Мама, смотри у него такой же велосипед, как у меня. Давай с тобой, кто вперед? – весело предложила девочка.

И вот только тут у Данилы по-мальчишечьи впервые загорелись глаза.

– Мама, можно? – спросил он Анну.

Катя настороженно посмотрела на малыша. Ничего не поняв, всё же была довольна тем, что мальчик уже улыбался.

– Я поехал, догонишь? – азартно крикнул Данила Даше.

Вдоль забора по обе стороны по асфальтированным дорожкам, ехали с радостными возгласами, малыши, крутя педали своими маленькими ножками.

По обе стороны стояли две красивые женщины, две женщины для которых свой ребенок был частью их вселенной.

Надежда Васильевна, оглядываясь, осторожно подошла ближе к Кати и спросила:

– Вы от Ритули? Извините, от Маргариты Леонидовны?

– Что? – удивленно переспросила Катя.

Она стояла и смотрела на игру малышей. Данила развернулся и поехал в сторону Кати. При виде бабушки, его счастливое личико сменилось на насупленное со сдвинутыми бровями выражение лица. Он остановился, слез с велосипеда и остался стоять возле него, как наказанный в углу ребенок. Катю это насторожило. Анна, как ни пыталась уговорить сына подойти к бабушке, так ни чего и не добила, словно невидимая стена пролегла между ними.

– Славный малыш, – разорвала молчание Катя.

– Да. Жаль только, что он очень болен, – печально ответила Надежда Васильевна.

– Болен?

– Да, к несчастью. Ему скоро надо будет на какое-то время лечь в больницу.
– Что у него болит? Я хотела сказать, чем он болен?
– Ох, девушка, да разве я сильна в их медицинских терминах! Да и скрывают от меня, чтоб не волновать сильно бабушку.

– Вы его бабушка?

– Да.

– Очень приятно. Мы живём здесь по соседству. На противоположной улице. Дочка решила на своем велосипеде объехать как можно больше улиц, – улыбалась Катя.

– А я вас приняла за племянницу моей давней знакомой, – с облегчением сказала Надежда Васильевна.

В ответ Катя только улыбнулась.

– Меня зовут Надежда Васильевна, а вас?

– Катя.

– Катя, вы сильно заняты?

– В общем-то, нет. Мы с дочкой живем одни и гуляем подолгу.

– Вы бы не согласились побыть с внуком. Вы ему кажется, понравились.

– Ну не знаю...

– Вы не переживайте. Время деньги. Я всё понимаю. Оплачу услугу сразу.

– Что вы, что вы, Надежда Васильевна, у вас такой славный малыш. В общем, если Даша согласна...

Даша стояла рядом и всё слышала. Она тут же развернулась в сторону Данилы и побежала к нему. Просунув голову в дыру решетки, спросила:

– Будешь со мной играть, если я останусь?

Данила посмотрел на бабушку.

– Она куда-то уезжает? – сказала ему Даша.

Он кивнул ей головой.

– Мама, мама! Я буду играть с этим мальчиком. Пусть она уезжает, – показывала рукой на Надежду Васильевну Даша.

Катя только пожала плечами.

– Ну, вот и славно. Мне самое большое надо часа на два отлучиться, не больше. За домом есть детская площадка. Там же в стороне, если необходимо, все удобства. Я предупрежу охранника. Погода теплая, поэтому прошу гулять и играть во дворе.

Она нажала сбоку кнопку, и автоматически открылся замок на воротах, через которые они до сих пор разговаривали.

– Заходите!

Предупредив охранника, она удалилась.

Анне стало плохо. Остаться с сыном, и бояться, какие нехорошие шаги предпримет её мать. Или пойти с матерью, оставив сына с незнакомыми людьми. Надо было решать быстро. Посмотрев на Катю, она тут же убедилась, что может быть спокойна: вот она-то не обидит её сына, поэтому побежала вслед за своей матерью.

15 глава

Надежда Васильевна поймала попутную машину, заплатив дополнительно за доставку точно по адресу, поехала в город.

Она поднялась на третий этаж девятиэтажки и, не успев нажать на звонок, услышала открывающуюся изнутри дверь, столкнувшись лицом к лицу со своей подругой.

– Надя? Что ты здесь делаешь? – удивилась Ритуля.

– Да вот к тебе, поговорить. Ты куда-то торопишься?

– Ладно, заходи. Отложу на время свои дела – глядя на часы, сказала Рита. – Время позволяет. Заходи.

Они прошли в комнату. Надежда Васильевна, бывавшая уже здесь не один раз, сразу села в удобное кресло. Рита из кухни принесла вазу с фруктами, два бокала и начатую бутылку сухого вина.

– Ну что, Надюша, давай, чтоб разговор ладился, – наливая ей и себе, говорила Рита. – Слушаю тебя.

– Нет, Ритуля, это я тебя слушаю. Ты же знаешь, я не люблю много загадок. Так вот сейчас ты мне всё и расскажешь.

– Собственно, ты всё уже практически знаешь. Остаются детали. Бумаги там, соглашение родителей с обеих сторон.

– Но Виктор сроду не даст на это согласия, – возразила Надежда Васильевна.

– А мы сделаем, что его нет, так же как и твоей дочери. Погиб. Понимаешь? Единственный родственник ты, его бабушка-опекунша.

– Но меня могут посадить в тюрьму, если обнаружат поддельные документы.

– Мы их уничтожим после сделанного, сразу.

– Но меня могут узнать врачи, ведь я буду обязана везти его в больницу и к тем людям.

– Нет, не ты. Я долго думала. Тебе надо найти человека, который бы тебе верил и мог бы помочь по дружбе.

Надежде Васильевне тут же на ум пришла Катя.

– Кажется, у меня есть такой человек, – она произнесла с радостью в глазах.

– Вот видишь, как славно. Наденька, я думаю, ты знаешь, что лишнее болтать – себе яму копать.

Надежда Васильевна прищуренным взглядом зыркнула в сторону Риты.

– Ну-ну. Вижу, что ты и сама всё знаешь. Прошу обо мне ничего никому не говорить. Меня нет. Когда все бумаги будут готовы, ты всё узнаешь, что делать.

– И сколько ждать?

– Ну, дня три-четыре займет.

– Что-то я боюсь, Ритуля. Предчувствие у меня нехорошее. Всё время кажется, что за мной следит кто-то. И так тошно становится.

– Стареешь, Надюша, стареешь. Ты давай гони прочь от себя эти мысли. Вспомни, как мы с тобой дела заворачивали! Красивые, полные сил женщины. От мужиков отбоя не было. Что раскисла? Тебе явно деревенский климат на мозг давит. К зеркалу-то давно подходила?

Рита встала, подошла к резному серванту, выдвинула ящик и достала оттуда упакованную пачку.

– На! Это стимулирующий аванс, – она снова посмотрела на часы. – Ну, Надюша, ты не обижайся, но мне пора. Время деньги!

На площадке Надежда Васильевна спросила:

– Ты сказала, племянница сюрприз. Кто она?

– Сюрприз. Сама потом узнаешь. А то и ей покоя не дашь. А нам это ни к чему.

– Стас, что-то я неважно себя чувствую. Давай на сегодня хватит. Ты посмотри, сколько мы тут с тобой бумаг перебрали. Да и с Данькой побуду подольше. А то успеваю с ним только перед сном увидеться, – жалуясь, сказал Виктор.

– Наконец-то ты о сыне вспомнил, – съязвил обрадованный Стас. – Я готов! Поехали! Доставлю тебя в целости и сохранности. Да на обратном пути подвезу какую-нибудь хорошенькую девушку. Если, конечно повезет.

– И часто везет?

– Пока нет. Но нельзя же, лишать себя надежды.

– Твоя судьба знает, что ты не готов к серьезным отношениям, поэтому чего девушкам головы морочить, – съехидничал Виктор.

– Ладно, умник. Закрывай тут всю свою канцелярию и поехали.

Дорога им показалась не такой уж длинной. Виктор всю дорогу тестировал Стаса о будущей его избраннице, дополняя ответы шуточками.

– Прибыли! – останавливая машину у ворот, сказал Стас.

– Может, зайдешь? – предложил Виктор.

– Да нет, потом, – но подумав, добавил. – Вообще-то зайду. Дана, давно уже не видел. Поздоровуюсь с парнем.

Подходя ближе к дому, они услышали детские голоса, которые перекликались с приятным незнакомым женским голосом.

– У нас гости? – удивился Виктор.

Они направились к детской площадке. Катя стояла спиной к Виктору и Стасу. Им было видно, как женщина подстраховывала малышей, которые висели на низкой перекладине.

– Мама, я всё равно дольше вишу его, – пыжась, говорила Даша.

– Нет, я долго, чем ты, – отвечал ей раздражённый Данила.

Дашины пальчики разжались, и она со смехом шлёпнулась вниз, попав в руки матери.

– Давай лучше с горки кататься. Спрыгивай. Там смешнее, – закричала она Даниле.

– Ребятки, вы не устали? Давайте посидим, я расскажу вас сказку. А потом можно и с горки, – предложила Катя.

Данила спрыгнул на землю и неожиданно для всех сказал:

– Мама мне тоже рассказывает сказки, когда я ложусь спать.

Катя улыбалась.

– А где твоя мама? – выпалила Даша.

Данила посмотрел вокруг себя.

– Не знаю, куда-то ушла, – и тут он увидел Виктора и Стаса. – Папа! – закричал он и побежал к нему навстречу.

– Ну, братан, привет! – поздоровался с ним Стас.

– Привет, – ответил ему радостно Данила и ударил своей маленькой пятернёй по ладошке Стаса.

Катя, взяв за руку дочь, пошла к ним. Виктору на мгновение показалось, что подходит к нему его Аннушка. Он так разволновался, что стал поправлять рукою ворот, задыхаясь от нехватки воздуха. Стас, глядя на друга, соображал, что делать.

– Хороша, да? – сказал он, толкая Виктора локтем в бок. – Кто это?

– Не знаю, – через силу сказал Виктор.

Они стояли и смотрели, не отрываясь, друг на друга.

– Мам, ты чего? – стала дергать её руку Даша.

– Здравствуйте!.. – заговорил Стас. – А где же наша бабуля? А? Она превратилась в прекрасную, молодую девушку? А?

– Здравствуйте! – начала Катя. – Надежда Васильевна попросила побыть с Данилой. Недолго. Должна с минуты на минуту подойти, – она стояла, и оправдывалась, как школьница, за возникшую неловкую ситуацию. – Вы на неё не сердитесь. Я, конечно, человек чужой, но поверьте, никакого зла не причиню вашему сыну. Он очень славный мальчик.

Виктор не только стоял и смотрел на неё, он слушал и любовался ею. Стас опять толкнул его локтем в бок.

– Спасибо, – сказал Виктор. – Большое спасибо вам. Я рад, что у моего сына появились такие красивые и веселые друзья. Я буду не против, если вы чаще будете навещать его. Может быть, пройдем в дом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.